

Юрий Верхолин

FASHION-
ТРИЛЛЕР
О МЕСТИ

18+

Юрий Верхолин

Fashion - триллер о мести

<https://litres.ru/74142559>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алла — швея в третьем поколении из Посада, её руки помнят бабушкину иглу. Лейла — дочь узбекского магната, метает ножи и создаёт наряды, достойные Милана. Две судьбы, два срока, одна мастерская.

За стенами здесь рождаются реплики с показов высокой моды для теневого бизнеса Генералыши. Лейла правила цехом пять лет. Но однажды появляется Алла — невысокая, потухшая, битая жизнью. Она выдаёт шедевр вместо копии. Трон качается.

Одна шьёт с надеждой. Другая мечтает стереть соперницу. Одна выйдет по УДО — и на дно. Вторая дождётся, наденет форму газовщика и вернётся. Здесь игла и лезвие — сёстры, каждый шов — удар. Мсть — искусство. Высокая мода.

Содержание

Глава 1. Нити судьбы	4
Глава 2. Модный цех	40
Глава 3. Войны в цеху	71
Глава 4. Камеры свиданий	103
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Юрий Верхолин

Fashion - триллер о мести

Глава 1. Нити судьбы

Запах машинного масла был первым, что научилась различать маленькая Алла, едва появившись на свет. Этот запах въедался в деревянные половицы старого дома на улице

Заречной, пропитывал занавески, одежду и даже, казалось, сами души его обитателей. Он был резким и одновременно родным, смешиваясь с ароматами разогретого утюга, пыли от тканей и едва уловимого шоколада, который мать прятала в ящике с нитками для особых случаев.

Посад — маленький провинциальный городок в трёхстах километрах от областного центра — жил своей неторопливой жизнью, и в центре этой жизни, по крайней мере для самой Аллы, находилась швейная фабрика, на которой трудились её родители. Фабрика называлась «Красная швея» и располагалась в длинном двухэтажном здании из серого кирпича на противоположном конце города. Она выпускала мужские сорочки и женские блузы — простые, добротные, без особых изысков, но востребованные в магазинах всего района.

Отец, Николай Степанович, был закройщиком в мужском цехе — высокий, сутуловатый, с вечной сантиметровой лентой на шее. Мать, Елена Петровна, сидела на машинке в женском цехе — невысокая, полноватая, с русыми волосами, убранными в тугой узел. Оба уходили затемно и возвращались затемно, особенно в горячие предпраздничные дни, когда план горел и цеха работали в две смены.

Но была ещё бабушка. Бабушка Анна, мать Николая Степановича, в прошлом держала собственную маленькую мастерскую в уездном городе — обшивала купеческих жён ещё до революции. К тому времени, когда Алла родилась, бабуш-

ка уже была на пенсии, сильно сдавала ногами, но руки её помнили всё. Она жила в пристройке к дому на Заречной, где когда-то и располагалась её мастерская. В этой пристройке стоял старый чугунный «Зингер» с ножным приводом, доставшийся бабушке от её собственной матери. Чёрный корпус с золотистыми узорами блестел от ежедневного ухода, хотя заказных вещей бабушка почти не шила — так, подружала пелёнки, чинила расползшиеся швы, иногда баловала внучку обновками из старых запасов.

Маленькая Алла больше всего на свете любила забираться в бабушкину пристройку. В углу за раскройным столом лежала гора мягких лоскутов — остатки былой роскоши, кусочки бархата, шёлка, плотной шерсти. Алла зарывалась в них, как в сокровища, и замирала, становясь безмолвным свидетелем волшебства.

Бабушка садилась за «Зингер», правая рука ложилась на ручку привода, левая аккуратно придерживала ткань. Нога ритмично нажимала на педаль, и колесо начинало вращаться — сначала медленно, со скрипом, потом всё быстрее, сливаясь в сплошной круг. Игла ходила вверх-вниз, оставляя за собой ровную строчку стежков. Алле казалось, что бабушка не просто шьёт, а оживляет станок, что «Зингер» — это послушный зверь, который признаёт только её руку.

— Смотри, Аллочка, — говорила бабушка мягким, надтреснутым голосом, — игла входит в ткань ровно, не рвёт, а раздвигает нити. Если научишься чувствовать ткань, она

сама тебе подскажет, как с ней работать.

В доме хранилась семейная реликвия — старинный напёрсток из почерневшего серебра с гравировкой «А.П. 1897». Бабушка говорила, что он принадлежал ещё её матери, прабабушке Аллы, которая тоже была швеёй. Напёрсток лежал в бархатной шкатулке, и доставали его только по большим праздникам. Мать обещала, что когда-нибудь он достанется Алле. Девочка иногда тайком открывала шкатулку, надевала напёрсток на указательный палец — он был ещё великоват — и смотрела на свет, играющий на потемневшем металле. Ей казалось, что в этом напёрстке заключена душа всех швей их рода.

Первый самостоятельный стежок Алла сделала в шесть лет. Бабушка задремала в кресле, оставив на столе лоскут ситца с воткнутой в него иглой и ниткой. Алла, повинуясь безотчётному порыву, взяла лоскут и попыталась повторить то, что делала бабушка. Стежок вышел кривой, нитка запуталась, на ткани образовалась складка. Но когда бабушка проснулась и увидела работу внучки, она не заругалась, а внимательно посмотрела и улыбнулась:

— Ну, вот и ты в нашу породу пошла.

С того дня Алла начала шить — сначала простые тряпочки, потом одежду для кукол, а к десяти годам уже могла подрубить край платка или сшить мешочек для мелочей. Бабушка учила её всему, что знала сама: как различать ткани на ощупь, как определять долевою нить, как держать ножницы,

чтобы крой выходил ровным. Мать и отец, возвращаясь с фабрики, заставляли их вдвоём за «Зингером» и только качали головами:

— Ну, пропадает девка в мастерской, совсем пропадает.

Школа в Посаде была одна, и Алла ходила туда без особого интереса. Уроки она высиживала, но мысли её всегда возвращались к шитью. На переменах она часто доставала блокнот, в котором зарисовывала фасоны платьев — подсмотренные в журналах мод, которые иногда приносили бабушке старые клиентки, или просто придуманные. У неё был острый глаз: она быстро научилась схватывать пропорции, понимать, как ложится драпировка. Учителя считали её тихой, но внутри Аллы горел огонь, которого никто не замечал.

Бабушка умерла, когда Алле было тринадцать. Это случилось зимой, тихо и буднично: легла спать в своей комнатке за печкой и не проснулась. «Зингер» остался стоять в пристройке, но ни мать, ни отец к нему не прикасались — на фабрике работали совсем другие машины, промышленные, быстрые, бездушные. Алла иногда заходила в опустевшую пристройку, проводила рукой по холодному чугунному корпусу и обещала себе, что когда-нибудь снова оживит бабушкин станок. Напёрсток с гравировкой мать убрала в шкаф, сказав:

— Вырастешь — твой будет.

К восемнадцати годам Алла окончила школу и поступила в училище в областном центре — на закройщицу-модель-

льера. Это были два лучших года её юности. Она впервые увидела настоящие цеха, узнала о технологии массового пошива, познакомилась с выкройками из столичных журналов. Но главное — она поняла разницу между фабричным производством и индивидуальной работой. Фабрика штамповала сотни одинаковых блуз; мастерская создавала единственную вещь, которая сидела на конкретной женщине как влитая. Алла сердцем полюбила второе. Ей хотелось работать руками, придумывать фасоны, общаться с клиентками, а не быть винтиком в огромном цеху.

Но когда она с дипломом вернулась в Посад, выбора не было. «Красная швея» оставалась единственным местом в городе, где требовались швеи. Отец замолвил слово начальнику цеха, и Аллу взяли на фабрику — в тот же женский цех, где работала мать. Выдали серый халат, посадили за промышленную машину, показали норму выработки. День за днём Алла прошивала одни и те же швы на одних и тех же блузах. Машинка гудела, игла мелькала, секунды сливались в часы. Ей казалось, что она сидит внутри огромного железного зверя, который перемалывает её вместе с тканями и нитками.

К счастью, судьба сжалилась. Через полтора года после возвращения Аллы в Посаде открылось новое ателье — «Силуэт». Это было событие для городка: частное предприятие в эпоху, когда всё ещё было государственным. Хозяйка, дородная армянка Аида Григорьевна, искала молодых швей с

образованием и готова была платить чуть выше фабричной ставки. Алла пришла на собеседование с папкой своих эскизов и бабушкиным напёрстком на пальце — как талисманом. Аида Григорьевна долго рассматривала рисунки, потом молча кивнула и сказала:

— Приходи завтра. Посмотрим, что ты руками умеешь.

В «Силуэте» Алла расцвела. Здесь были не конвейер и норма, а живые заказчицы, обсуждения фасонов, примерки, подгонки по фигуре. Она кроила, шила, придумывала детали. Клиентки быстро заметили новую молодую мастерицу и стали просить именно её. Родители гордились. Мать, выйдя на пенсию, иногда заходила в ателье, садилась в уголок и смотрела, как дочь работает.

— Вот теперь я вижу, что наша порода не перевелась, — говорила она.

Встреча с Виктором произошла в год, когда Алле исполнилось двадцать два. Она возвращалась с работы поздним вечером — засиделась над сложным заказом — и увидела у дома незнакомого мужчину. Он стоял возле столба электропередач, задрав голову, и что-то сосредоточенно рассматривал в сплетении проводов. Высокий, широкоплечий, в форменной робе с нашивкой «Посадские электросети» и с монтёрскими кошками, пристёгнутыми к поясу. У ног его стоял ящик с инструментами. Услышав шаги, он обернулся, и Алла увидела его лицо — открытое, с ясными серыми глазами и лёгкой улыбкой.

— Провода перетягиваю, — пояснил он, хотя она ни о чём не спрашивала. — Электричество барахлит, а к зиме надо, чтоб как часы работало. У меня тут испытательный срок, так что стараюсь показать себя.

Виктор Королёв оказался электромонтёром, приехавшим в Посад по направлению из областного центра. Его взяли на временную ставку в местную электросетевую компанию — ту самую, что отвечала за всё электроснабжение городка и окрестных деревень. Начальник обещал оформить на постоянную, если парень проявит себя. Виктор, в отличие от многих, не ждал поблажек: он горел желанием работать, и каждый столб на его участке был приведён в идеальный порядок.

Алла, обычно стеснительная с незнакомцами, вдруг почувствовала себя легко и свободно. Виктор держался просто, не пытался произвести впечатление, но в каждом его слове чувствовалась основательность, какая-то внутренняя надёжность.

— Электросети? — переспросила Алла. — А я в ателье работаю, швея.

— Ну, значит, оба при деле, — улыбнулся он. — Иголки и провода — это, считай, одного поля ягоды: и там и там контакт нужен.

Он починил проводку в бабушкиной пристройке за один вечер — та как раз начала барахлить, и Алла боялась включать «Зингер». Попутно рассмешил её шуткой о том, что портновские ножницы и кусачки — «инструменты одного

поля, только одни для тряпочек, а другие для проводов». Через месяц они уже не могли представить себе жизни друг без друга.

Они поженились через год. Свадьба была скромная, но душевная — во дворе дома на Заречной накрыли длинный стол, собрали соседей, родню из окрестных деревень. Мать Аллы сшила дочери подвенечное платье сама — из белого крепдешина с кружевной отделкой, которое потом ещё долго обсуждали посадские модницы. Алла в этом платье чувствовала себя принцессой, а Виктор, надев парадный костюм, выглядел так, словно всю жизнь носил только смокинги, а не рабочую робу.

Медовый месяц они провели не на море, а дома — денег на путешествия не было, да и заказов у Аллы скопилось много. Но она была счастлива. Ей нравилось просыпаться рядом с мужем, готовить ему завтрак, обсуждать планы на день. Вскоре после свадьбы Виктора зачислили на полную ставку в «Посадские электросети» — начальник сдержал слово. Работа была нелёгкая: целыми днями он пропадал на линии, обслуживая столбы, трансформаторы, подстанции. Но платили стабильно и даже выделяли рабочую форму с зимним тулупом. В свободное время Виктор помогал в пристройке — подкручивал, чинил, мастерил полки. Он даже соорудил для Аллы специальный стеллаж для лекал, которым она невероятно гордилась.

Рождение близнецов стало главным событием в их жизни.

Алла узнала о двойне на пятом месяце, когда врач в районной больнице, выслушав живот, вдруг удивлённо приподнял бровь и сказал:

— А у вас там не один, а двое.

Виктор, узнав новость, сначала побледнел, потом рассмеялся и закружил жену по комнате, приговаривая:

— Ну, Алка, ну ты даёшь! Сразу комплект!

Роды прошли тяжело, но благополучно. На свет появились два мальчика-одногодка — Максим и Михаил. Крошечные, краснолицые, горластые, они с первых минут заявили о себе так громко, что медсёстры только качали головами. Дом наполнился новыми запахами — детского мыла, кипячёных пелёнок, молока. Алла разрывалась между младенцами и работой в ателье, часто брала заказы на дом, работая по ночам, когда дети наконец засыпали. Мать, ещё крепкая в те годы, помогала как могла, но и её сил хватало не на всё. Виктор приходил с линии уставший, но всё равно брал на себя часть домашних дел, и Алла в очередной раз думала, как ей повезло с мужем.

Девяностые наступили постепенно, подкрались, как сырость в подвал. Сначала это были только тревожные разговоры по телевизору и у соседей, пустые полки в магазинах, талоны на сахар. Потом перестали платить зарплату в электросетях — сначала задерживали на месяц, потом на два, потом выдавали сущие копейки, которых едва хватало на хлеб. Виктор, чтобы вытянуть семью, всё чаще брал частные за-

казы: починить проводку в старом доме, сменить счётчик бабушке, наладить свет в гаражах. Деньги приносил хоть и небольшие, зато живые, наличными. Алла провожала его вечерами, когда он уходил с монтажным поясом через плечо в чужие квартиры, и молилась, чтобы хоть эти заработки не иссякли.

Но вслед за электросетями настала очередь «Силуэта». Люди перестали заказывать новую одежду: деньги уходили на еду. Аида Григорьевна держалась до последнего, распродала ткани со склада, предлагала скидки, но клиенток становилось всё меньше. В один из пасмурных дней она собрала швей, выложила на стол конверты с остатками зарплаты и, пряча слёзы, сказала:

— Девочки, я закрываюсь. Простите.

Алла вышла на улицу с последним конвертом в кармане и остановилась, не зная, куда идти. Фабрика «Красная швея» к тому времени тоже дышала на ладан и новых работников не брала. Дома ждали двое голодных мальчишек. В кошельке гулял ветер. И впервые за многие годы Алла почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она ещё не знала, что это только начало падения. Что главные испытания ждут впереди. И что руки, умевшие творить красоту, скоро возьмутся за нож совсем по-другому.

Последний конверт из «Силуэта» Алла истратила за две недели. Деньги разошлись на самое необходимое — хлеб, молоко для близнецов, пачку дешёвых макарон. Она обошла

все места в Посаде, где могла бы пригодиться швея: фабрика «Красная швея» ответила, что набирает только на полставки и только по знакомству, частных заказчиков не было вообще. Рынок, куда она сунулась предложить подшивать брюки и укорачивать рукава, встретил её хмурыми лицами — там своих таких стояло с десятков, и все сидели без клиентов.

К концу месяца Алла поняла то, во что боялась поверить: работы нет. Совсем.

Виктор держался дольше. Электросети, в которых он проработал почти десять лет, ещё теплились: зарплату задерживали, но обещали выплатить «при первой возможности». Он по-прежнему уходил вечерами на частные вызовы — менять розетки, чинить проводку в старых домах, тянуть свет в гаражи. Однако и этот ручеек начал пересыхать. Люди расплачивались не деньгами, а самогоном, соленьями, старой одеждой. В иной день Виктор возвращался с бутылкой мутной жидкости и банкой огурцов, и это был весь их заработок.

— Ничего, Алка, — говорил он, разливая мутное пойло по гранёным стаканам. — Перебьёмся. Я мужик, я найду.

Но в его голосе уже не было прежней уверенности. Он всё чаще задерживался у соседа-собоутельника, а вернувшись, садился к столу и молча пил. Сначала понемногу, потом всё больше. Алла поначалу не притрагивалась к стакану — ей нужно было кормить детей, стирать, искать хоть какой-то приработок. Но когда в доме кончились последние крупы, а Максим и Михаил в очередной раз заплакали от голода, она

взяла протянутый мужем стакан и выпила залпом. Жидкость обожгла горло, но на душе стало чуть легче. И это было самое страшное.

Пить стали вместе. Сначала по вечерам, после того как уложат детей, — чтобы снять усталость и забыть о пустом холодильнике. Потом начинали раньше. Потом уже с утра, потому что без этого начинали трястись руки и накатывала такая тоска, что хотелось лезть на стену. Виктор перестал ходить на частные вызовы — кому нужен пьяный электрик? Да и вызовов этих почти не осталось: Посад нищал, люди сами разбирали проводку и сдавали цветной металл. Алла тоже перестала искать работу. Стыдно было выходить из дома с опухшим лицом и трясущимися пальцами.

Их дом, когда-то полный тепла и стрекота бабушкиного «Зингера», превратился в берлогу. В углах скапливалась грязь, немытая посуда горой стояла в раковине, повсюду валялись пустые бутылки. Алла, проходя мимо зеркала, не узнавала себя: из мутного стекла на неё смотрела опухшая женщина с потухшими глазами и всклокоченными волосами. Иногда она вспоминала, как мать сидела за машинкой и говорила: «Если научишься чувствовать ткань, она сама тебе подскажет». Теперь её пальцы чувствовали только холодный бок стакана.

Характер Аллы менялся вместе с внешностью. Прежде тихая, терпеливая, она стала раздражительной, вспыхивала от любого пустяка. На детей кричала без повода, могла шлёп-

нуть ни за что. Максим и Михаил, когда-то весёлые и горластые, теперь притихали, заслышав шаги матери, и старались не попадаться на глаза. Виктор тоже менялся. Из спокойного, основательного мужика он превратился в угрюмого, вечно недовольного пьяницу, готового взорваться в любую секунду.

Ссоры начались с мелочей — не так поставила стакан, не там бросила куртку. Потом перешли в скандалы с битьём посуды. Соседи за стеной сначала стучали, потом вызывали участкового. Участковый, старый знакомый ещё по школе, разводил руками:

— Алка, Витька, вы чего творите? У вас же пацаны.

После его ухода наступало краткое перемирие, а через день всё начиналось по новой.

В тот роковой день с утра зарядил дождь. Серая морось висела над Посадом, превращая улицы в грязное месиво. Дети с самого утра канючили есть — в доме не было ни крошки. Виктор, злой с похмелья, ушёл к соседу и вернулся через час с литровой банкой мутного первача. Сели за стол. Пили молча. Первая, вторая, третья стопка.

— Ты хоть бы детей покормила, — бросил Виктор, не глядя на жену.

— На что? — взвилась Алла. — Ты денег принёс? Или мне воздухом их кормить?

— Я пашу как вол, а ты сидишь дома и ноешь!

— Пашешь? — Алла вскочила, опрокинув стул. — Где

твои заработки? Где еда? Ты уже месяц как бутылку из рук не выпускаешь!

Виктор поднялся медленно, тяжело опираясь на стол. Лицо его побагровело. В пьяном тумане он уже не соображал, кто перед ним. Перед ним стояла не жена, а враг, который требовал невозможного.

— Заткнись, — сказал он глухо. — Заткнись, пока я тебя не успокоил.

— А то что? — Алла шагнула к нему, сама не понимая, что делает. Гнев, копившийся годами, выплёскивался наружу. — Ударишь? Давай! Ты же мужик! Докажи!

Он замахнулся. Тяжёлая, набрякшая от пьянства рука пошла вперёд — целясь в лицо, в переносицу. Алла успела отшатнуться, но кулак всё равно задел ей скулу, и из глаз посыпались искры. От боли и обиды что-то оборвалось у неё внутри. Что-то, что ещё держало её над пропастью.

На столе лежал закройный нож. Тот самый, бабушкин, с наборной деревянной ручкой и широким лезвием, сточенным за десятилетия. Алла схватила его не думая — рука сама потянулась, как тянулась когда-то к игле и напёрстку. Вся ловкость швеи, все годы работы с тонкими материями в одно мгновение обратились против мужа. Она сделала шаг вперёд и ударила. Нож вошёл в шею Виктора с той же точностью, с какой игла входила в ткань. Раз — и лезвие рассекло плоть и сосуды. Кровь хлынула на стол, на остатки закуски, на грязные стаканы. Виктор захрипел, схватился за горло, сделал

шаг назад и рухнул на пол, увлекая за собой стул. Из раны толчками выходила кровь — чёрная, густая, совсем не похожая на ту, что показывают в кино. Он дёрнулся ещё пару раз и затих.

Алла стояла над ним с ножом в руке. В ушах звенело. В горле застрял крик, но вырваться не смог. Она смотрела на мужа, с которым прожила двенадцать лет, на его застывающее лицо, и не узнавала его. Будто это был чужой человек, случайно оказавшийся в её доме.

Дети. Она вспомнила о детях. Бросив нож, она кинулась в спальню. Максим и Михаил сидели на старой раскладушке, прижавшись друг к другу, бледные, с круглыми от ужаса глазами. Они всё слышали.

— Сидите здесь, — прошептала Алла севшим голосом. — Сидите тихо.

Потом она вышла на крыльцо, опустилась на ступеньку и села. Дождь кончился. Небо над Посадом расчищалось, показывая равнодушные звёзды. Где-то вдалеке лаяла собака. Алла посидела немного, встала и пошла к соседке — вызывать милицию.

Приехали быстро. Алла не пыталась бежать, не пыталась врать. Стояла, привалившись к косяку, и спокойно отвечала на вопросы. Следователь, молодой лейтенант с прыщавым лицом, удивлённо смотрел на эту маленькую опухшую женщину, которая только что убила собственного мужа и говорила об этом, словно о рутинной работе.

— Вину признаю, — сказала она, когда он закончил протокол. — Что тут признавать. Убила.

Суд был скорым. Адвокат, выделенный государством, пытался напирать на состояние аффекта, на годы беспробудного пьянства, на то, что муж поднял на неё руку первым. Но Алла сама всё испортила: на вопрос судьи, раскаивается ли она, она только пожала плечами.

— Не знаю, — сказала она, глядя куда-то в пол. — Наверное. Но назад уже не вернёшь.

Шесть лет общего режима. Когда зачитывали приговор, она думала не о себе, а о мальчиках. Их определили в интернат в районном центре — два мальчика-одногодка, Максим и Михаил, с глазами, полными ужаса, который им теперь предстояло носить в себе всю жизнь.

Им разрешили попрощаться перед отправкой. Алла обняла обоих, прижала к себе, вдохнула запах их волос — немытых, но родных. Сыновья плакали, а у неё слёз уже не было.

— Я вернусь, — шепнула она. — Обязательно вернусь. Ждите.

В камере следственного изолятора было холодно и серо. Койка, привинченная к полу, откидной столик, зарешеченное окно под потолком. Алла села на жёсткий матрас и впервые за долгое время осталась одна. Тишина давила на уши, и в этой тишине она наконец слышала собственные мысли. Она подняла руки и посмотрела на них. Те самые руки, которые когда-то держали бабушкин напёрсток, гладили лос-

куты, кроили шёлк и выводили ровные строчки на «Зингере». Теперь они отняли жизнь. Пальцы ещё помнили, как сжимать рукоять ножа, и это воспоминание было таким же чётким, как память о том, как заправлять нитку в иглу.

Алла сжала кулаки и закрыла глаза. Где-то далеко, за стенами изолятора, остались Посад, старый дом на Заречной, могила мужа, плачущие дети. Впереди были шесть лет неволи. Она ещё не знала, куда её отправят и какой окажется та жизнь. Знала только, что швейная династия прервалась. Напёрсток с гравировкой «А.П. 1897» остался лежать в бархатной шкатулке в опустевшем доме. «Зингер» покрывался пылью. А сама Алла Королёва, мать, швея в третьем поколении, теперь была просто осуждённой, ожидающей этапа.

За две тысячи километров от Посада и за много лет до того, как Алла впервые взяла в руки закройный нож с иной целью, в старом глиняном доме с тутовником во дворе родилась Лейла. Это случилось в Андижане, когда Узбекистан ещё был частью большой страны. Отец, Искандер Каримович, держал ткацкую мастерскую, доставшуюся от деда, — десяток станков, артель работниц, рулоны шёлка, которые расходились по всему Союзу. Мать, Гульнара, была женщиной тихой и болезненной, но с удивительными руками — она вышивала золотом и бисером, и её работы покупали даже из Москвы.

Первые годы жизни Лейла помнила смутно — как сон, сотканный из запахов пряностей, горячей лепёшки из танды-

ра и стрекота сверчков в ночи. Ей было три, когда начались волнения, и четыре, когда отец объявил:

— Уезжаем.

Он был человеком решительным и дальновидным. Распродал станки, собрал сбережения, погрузил жену, дочь и несколько тюков с лучшими тканями в поезд. Ехали долго, через степи и города, пока не добрались до России — в крупный промышленный центр на Волге, где у отца были старые деловые партнёры.

На новом месте Искандер Каримович начал с нуля. Снял склад на окраине, потом лавку на центральном рынке, потом арендовал цех. К середине девяностых он уже был одним из крупнейших импортёров тканей в регионе: возил шёлк, атлас, бархат из Узбекистана, Турции, Ирана. Деньги потекли рекой. Семья переехала в просторную квартиру в центре города, а позже — в двухэтажный особняк с мраморной лестницей, построенный на восточный лад, но с русской основательностью.

Лейла росла среди тканей. Это была её стихия с младенчества. Пока другие девочки играли в куклы, она пропадала на отцовском складе — огромном помещении, уставленном рулонами материи всех мыслимых цветов и фактур. Она трогала их, мяла в руках, прикладывала к лицу и к щекам, училась различать холодок натурального шёлка, мягкость кашемира, скользкость атласа, зернистость жаккарда. Отец, видя интерес дочери, не мешал, а только посмеивался в усы:

— Кровь предков. Ткани — наше всё.

Но кроме тканей, была у Лейлы и другая страсть, появившаяся неожиданно. В десять лет она впервые попала в компанию старших двоюродных братьев, которые принесли приставку с игрой Mortal Kombat. На экране мелькали фигуры бойцов, с дикими криками разрывающих друг друга в клочья. Мальчишки вопили от восторга, а Лейла сидела, вцепившись в джойстик, и не могла оторваться. Её завораживали не кровь и жестокость, а точность движений, танец смерти, синхронность ударов. Особенно ей понравилась Китана — воительница с веерами-лезвиями.

— Вот это женщина, — думала Лейла, — красивая и смертельно опасная. Не то что эти дуры из сказок про принцесс.

Увлечение не прошло. Напротив, оно переросло в нечто серьёзное. В тринадцать Лейла записалась в секцию метания ножей при местном спортивном клубе — к ужасу матери и удивлению отца. Мать хваталась за сердце: девочка из приличной семьи, и вдруг — ножи! Но Искандер Каримович, вспомнив собственный путь через опасности и риск, неожиданно поддержал дочь.

— Пусть учится, — сказал он жене. — Жизнь — штука жёсткая. Пусть умеет за себя постоять.

Секция располагалась в полуподвальном помещении, пропахшем потом и железом. Тренер, сухой жилистый мужчина с лицом, изрезанным шрамами, сначала принял Лейлу

со снисходительной усмешкой:

— Девочка, ты не ошиблась дверью?

Но она не смутилась. Взяла учебный нож, встала к мишени и с первого же раза послала его в центральный круг. Тренер замолчал, прищурился и кивнул:

— Оставайся.

Дальше пошло как в сказке, только вместо волшебной палочки у Лейлы были кинжалы. Она оказалась прирождённым метателем: глазомер, координация, хладнокровие — всё было при ней. Через год тренировок она уже обходила старших учеников. Ещё через год — выступала на городских соревнованиях и брала призы. Её коронным номером стало парное метание: по два ножа одновременно, в две разные мишени. Зрители замирали, когда эта черноволосая девочка с сосредоточенным лицом выходила на рубеж, и зал взрывался аплодисментами, когда оба кинжала вонзались точно в центр.

Тренер, нахватавшийся восточных единоборств в армии, добавил к метанию фехтование на кинжалах — парную работу в стойке. Лейла освоила и это. В тренировочных спаррингах она была молниеносна: левый кинжал отводит удар, правый поражает цель. Движения — экономные, точные, без лишней суеты. Тренер качал головой и говорил, что у неё «восточная пластика смерти». Она запомнила это выражение. Оно ей нравилось.

Однако, став королевой секции, Лейла не забросила и дру-

гое своё увлечение. Напротив, оно расцвело с новой силой. Ткани отцовского склада словно ждали, когда она вернётся к ним, и в четырнадцать лет Лейла начала шить. Начала с простого: юбки, блузы, шарфы. Благо, материала было вдоволь — отец разрешал брать любые отрезы. Но очень скоро простые вещи ей наскучили. Лейла стала придумывать свои фасоны, смешивать несочетаемое: восточный крой с европейским силуэтом, традиционные узбекские вышивки с дерзкими асимметричными линиями. Она не признавала выкроек из журналов — кроила на глаз, полагаясь на интуицию и чувство ткани. Первые опыты были неудачными, но Лейла упорно перешивала, подгоняла, доводила до совершенства. К шестнадцати годам она одевала себя сама. Её наряды были вычурными, смелыми, порой вызывающими — но всегда безупречного вкуса. Узкое платье из алого шёлка с разрезом до бедра, расшитое золотой нитью, которое она надела на день рождения отца, произвело фурор. Гости-бизнесмены переглядывались:

— Искандер, твоя дочь — дизайнер.

Лейла, услышав это, впервые подумала, что могла бы заниматься этим всерьёз.

Параллельно она продолжала метать ножи. Секция, соревнования, медали — это стало частью её жизни, как чистка зубов или утренний кофе. Она уже не представляла себя без этого. И странным образом два её увлечения — холодная сталь и струящийся шёлк — дополняли друг друга. В бою

она чувствовала ритм, как в шитье; в шитье — точность и хладнокровие, как в бою.

К восемнадцати годам Лейла превратилась в ослепительную красавицу. Высокая, длинноногая, с точёной фигурой — плечи развёрнуты, спина прямая, походка плавная и стремительная одновременно. Чёрные волосы, густые и блестящие, спускались ниже пояса — она никогда их не стригла, только подравнивала кончики. Лицо — с высокими скулами, большими тёмно-кариими глазами вразлёт и чётко очерченным ртом — было той редкой восточной красоты, что заставляет оборачиваться на улице. Добавьте к этому безупречную осанку, выработанную годами тренировок, и получите женщину, которая входила в любое помещение как королева.

Одевалась Лейла только в свои творения — и этим тоже привлекала внимание. На вечеринках, куда её охотно приглашали, она появлялась в умопомрачительных нарядах: то в облегающем комбинезоне из серебристого атласа, то в платье-кимоно с широкими рукавами и поясом-оби, то в чём-то совсем футуристичном, с асимметричными вырезами и вставками из кожи. Местная золотая молодёжь немедленно объявила её иконой стиля. Девушки пытались подражать, юноши толпами добивались внимания. Лейла принимала восхищение благосклонно, но без особого интереса. Она уже знала себе цену.

— Ты бы своё ателье открывала, — говорили подружки.
— С твоим вкусом и с папиными связями — да ты озоло-

тишься.

— Может, и открою, — отвечала Лейла, но в голосе её звучала нерешительность. Ей нравилось шить для себя, но превращать это в бизнес казалось скучным. Она ещё не нашла того, что по-настоящему захватило бы её целиком.

Отец смотрел на дочь с гордостью и тревогой одновременно. Гордость — потому что она выросла красавицей, умницей, спортсменкой и рукодельницей в одном флаконе. Тревога — потому что такая дочь требовала особого подхода. Искандер Каримович был человеком старой закалки и считал, что женщина должна быть при муже, при солидном и надёжном. Он уже присматривался к сыновьям своих деловых партнёров — молодым людям с хорошим образованием и большими перспективами.

— Пора думать о семье, — говорил он дочери за ужином, когда они сидели в просторной гостиной особняка. — Ты уже взрослая. Нужно, чтобы у тебя был муж, дом, дети.

Лейла, только что вернувшаяся с тренировки (она продолжала посещать секцию, хотя уже не выступала на соревнованиях), только усмехалась. Муж? Дети? Ей казалось, что вся эта семейная жизнь — удел слабых. Она видела себя иначе: свободной, независимой, ни перед кем не отчитывающейся. Но открыто спорить с отцом не решалась — уважение к старшим было в крови.

— Успеется, папа, — отвечала она, утыкаясь в тарелку с пловом. — Я ещё молодая.

— Молодость быстро проходит, — вздыхал Искандер Каримович. — А хорошие женихи разбираются.

И он уже знал, о ком говорит. Мирлан, сын его старого партнёра по бизнесу, учился в Москве, но должен был вот-вот вернуться. Красивый, образованный, из уважаемой семьи. Искандер Каримович уже переговорил с его отцом, и оба сошлись во мнении, что союз их детей был бы идеален. Оставалось только познакомить молодых людей и дать им время понравиться друг другу.

Лейла пока ничего не знала об этом плане. Она жила в своём мире — тренировки, ткани, вечеринки, эскизы новых нарядов. В её комнате на втором этаже особняка стояли манекен, швейная машинка и целая стена, уставленная рулонами отборного шёлка. По ночам, когда город затихал, она садилась кроить и шить, создавая очередной шедевр. В эти часы она была по-настоящему счастлива — наедине с тканью, иглой и собственным воображением.

И всё же смутное предчувствие перемен уже витало в воздухе. Отец стал чаще заговаривать о том, что ей пора остепениться. Мать, поправившаяся после долгой болезни, демонстративно перебирала фамильные украшения:

— Это тебе на свадьбу.

Братья отца, приезжая в гости, обменивались многозначительными взглядами. Лейла чувствовала: вокруг неё что-то затевается. Но она была слишком занята собой, чтобы вникать в детали. Она не знала, что нити её судьбы уже сплета-

ются в узор, которого она не выбирала. Не знала, что Мирлан скоро появится в её жизни — и что её умение обращаться с кинжалами окажется востребованным совсем не так, как на соревнованиях. Не знала, что красота и талант приведут её не на подиум, а на скамью подсудимых. Пока же она была просто Лейлой — девушкой с глазами, полными огня, и руками, умевшими создавать красоту и разить насмерть с одинаковой лёгкостью.

Мирлан появился в её жизни ранней осенью, когда листья в городском парке только начинали желтеть, а воздух становился прозрачным и ломким. Отец пригласил его на семейный ужин — как старого друга, с которым они вместе вели дела. Искандер Каримович был сама невинность:

— Познакомься, дочка, это сын дяди Рустама, вы же детьми играли когда-то в Андижане.

Лейла смутно помнила того карапуза, что носился с ней по тутовнику и дёргал за косы. Теперь в гостиную вошёл совсем другой человек. Мирлан оказался высоким, широкоплечим, с холёным лицом и уверенной посадкой головы. Одет был с иголочки — московский покрой, дорогой кашемировый свитер, часы швейцарские. Говорил он легко, красиво, с лёгкой иронией, умел слушать и ещё лучше — рассказывать. Учился в Москве, в престижном экономическом институте, но в разговоре не кичился учёбой, а больше спрашивал Лейлу о её увлечениях. Услышав про метание ножей, он сначала не поверил, а когда Лейла показала ему фо-

тографии с соревнований, долго качал головой, смеялся и называл её «царицей ножей».

— Не царица, — поправляла она, — царица была Китана.

— Кто?

— Из Mortal Kombat. Веера-лезвия. Ты не играл?

— Я больше по экономическим стратегиям, — признался Мирлан. — Но ради тебя готов освоить.

Это «ради тебя» прозвучало так просто и искренне, что Лейла, обычно нечувствительная к комплиментам, вдруг смутилась. Отец, наблюдавший за ними из-за стола, удовлетворённо хмыкнул в усы.

Ухаживания начались на следующий день. Мирлан позволил, предложил прогуляться по набережной. Лейла согласилась — не потому что он ей сразу понравился, а скорее из любопытства. Она привыкла к вниманию мужчин, но всегда держала их на расстоянии, и ни один не задерживался дольше пары недель. Мирлан, однако, вёл себя иначе. Не давил, не лез с пошлыми намёками, не пытался пустить пыль в глаза. Он просто был рядом — и с ним было легко. Они гуляли по осеннему городу, заходили в кофейни, ездили за город на пикники с друзьями. Мирлан рассказывал о Москве, о своей учёбе, о планах открыть инвестиционный фонд. Лейла показывала ему свои наряды, и он смотрел на них не как мужчина, оценивающий женщину, а как ценитель, разбирающийся в искусстве. Она ловила себя на том, что ждёт его звонков, что готовится к встречам тщательнее обычного, что улыба-

ется без причины. Впервые в жизни она по-настоящему влюбилась.

Через два месяца Мирлан сделал предложение. Не пафосное, с кольцом и оркестром, а тихое, почти домашнее — когда они сидели у неё в комнате, и он вдруг взял её за руки и сказал:

— Лейла, я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Она, не задумываясь ни секунды, ответила:

— Да.

Отцы просияли. Искандер Каримович и Рустам Алиевич ударили по рукам, назначили помолвку, начали обсуждать детали свадьбы. Восточные традиции требовали размаха: триста гостей, лучший ресторан в городе, караван машин. Лейла, всегда любившая быть в центре внимания, теперь вдруг думала только о том, как скорее остаться с Мирланом наедине. Она строила планы: они будут жить в Москве, она откроет ателье, он — свой бизнес. Она бросит тренировки? Нет, не бросит. Она уговорит его пойти с ней в спарринг. Он увидит, как она управляется с кинжалами, и будет гордиться ею, как гордился отец.

Помолвка состоялась в загородном ресторане. Лейла надела платье собственной работы — из тёмно-вишнёвого бархата, расшитое серебряной нитью, с длинными летящими рукавами. Гости ахали. Мирлан держал её за руку весь вечер и не сводил с неё глаз. Искандер Каримович, поднимая тост, едва сдерживал слёзы гордости. Это был лучший вечер

в жизни Лейлы — и последний счастливый.

Через три дня после помолвки ей позвонила Зарина — старая подруга по секции, с которой они когда-то вместе метали ножи. Голос у неё был странный, напряжённый.

— Лейла, ты только не кипятишься сразу. Я должна тебе кое-что показать.

Встретились в кафе на нейтральной территории. Зарина без лишних слов положила на стол телефон. На экране горела фотография: Мирлан в дорогом ресторане, и рядом с ним — девушка. Блондинка с голубыми глазами, модельной внешности. Он держит её за руку и смеётся.

— Откуда это? — спросила Лейла. Голос был чужим, механическим, будто не её.

— Из Москвы. Моя двоюродная сестра учится там же. Говорит, они вместе уже полгода, снимают квартиру. Прости, Лейла. Я думала, ты должна знать.

Лейла сидела неподвижно, глядя на фотографию. Внутри неё будто что-то оборвалось — тугая струна, державшая всю конструкцию её счастья. Она не закричала, не заплакала. Просто отодвинула телефон, поблагодарила Зарину и вышла из кафе. По дороге домой она повторяла себе: это ошибка, это фальшивка, это кто-то хочет разрушить их отношения. Но ледяной ком в животе говорил об обратном.

Дома она позвонила отцу. Не стала ничего объяснять, только попросила контакты частного детектива — того самого, которого Искандер Каримович иногда нанимал для про-

верки деловых партнёров. Отец, почувствовав неладное, попытался расспрашивать, но Лейла отрезала:

— Потом, папа. Всё потом.

Детектив, сухой и деловитый мужчина с незапоминающимся лицом, выслушал её спокойно и попросил неделю. Через семь дней он положил перед ней папку. Фотографии. Распечатки сообщений. Счета из ресторанов и отелей. Москва, Казань, Петербург — везде Мирлан появлялся с одной и той же голубоглазой спутницей. Роман длился почти год — начался задолго до знакомства с Лейлой и продолжался вплоть до вчерашнего дня. Снимки были датированы: через два дня после помолвки Мирлан уже сидел с блондинкой в «Пушкине», отмечая что-то шампанским.

Лейла просмотрела все до единого. Собрала в стопку, выравнивала уголки. Поблагодарила детектива, расплатилась и отпустила. Оставшись одна, она долго сидела в пустой квартире, и в тишине было слышно только, как тикают часы на стене. Ей не хотелось плакать. Ей хотелось убивать.

Восточная кровь, о которой так часто говорили в семье, закипела в ней, как вода в казане. Это не была вспышка гнева — это было холодное, расчётливое, древнее бешенство. Лейла чувствовала, как внутри неё просыпается что-то, чего она раньше не знала. Тренировки по метанию ножей, спарринги в подвале, годы вырабатывания хладнокровия — всё это вдруг обрело новую, страшную цель. Её предали. Её унизили. Её использовали как прикрытие, пока настоящая жен-

щина ждала его в Москве.

Она набрала номер Мирлана. Голос был спокойным, почти ласковым.

— Мирлан, нам нужно поговорить. Серьёзно. Приезжай завтра вечером, родители уехали на дачу, мы будем одни. Я хочу всё наладить.

Он согласился сразу, и в его голосе она услышала нотки облегчения — наверное, думал, что она хочет обсудить меню для свадьбы. Положив трубку, Лейла подошла к шкафу, где в особой шкатулке, обитой бархатом, хранились фамильные кинжалы. Их подарил отец, когда она выиграла свои первые крупные соревнования: два узких клинка дамасской стали с рукоятями из чёрного дерева. Острые, как бритва, сбалансированные так, что ложились в руку словно продолжение пальцев. Она проверила лезвия пальцем, и на коже выступила капелька крови. Хорошо.

Она отрепетировала всё за ночь. Как будет стоять, что скажет, в какой момент покажет фотографии. Вспомнила движения из *Mortal Kombat* — тот самый добывающий приём Китаны, который она сотни раз прокручивала на экране. Два веера-лезвия входят в шею противника синхронно, с двух сторон. У неё нет вееров, но есть два кинжала. Этого достаточно.

Вечером следующего дня Мирлан приехал в особняк. Красивый, вальяжный, с букетом алых роз. Прошёл в гостиную, обнял её, поцеловал в щёку.

— Ну, что ты хотела обсудить, принцесса?

Лейла отстранилась. Взяла со стола папку, протянула ему. Он открыл — и лицо его изменилось мгновенно. Румянец схлынул, оставив бледную маску. Он перебирал фотографии одну за другой, и пальцы его дрожали.

— Ты следила за мной? — спросил он охрипшим голосом. Потом, видимо, решил, что отрицать бесполезно, и его тон стал жёстким. — Ладно, слушай. Это ничего не значит. Это просто интрижка. Я мужчина, у меня есть потребности. Ты что, думала, я буду тебя ждать, пока ты играешь в свои ножички?

— Ты сделал мне предложение, — сказала Лейла тихо.

— Ну и что? — он швырнул папку на стол. — Ты красивая, да. Ты из хорошей семьи. Из тебя выйдет отличная жена. А эта... — он кивнул на фото, — просто развлечение. Не мерзавь, Лейла. Будь умнее.

Последнее слово хлестнуло её, как пощёчина. Не мерзавь. Будь умнее. Пока она зашивалась по ночам над новыми нарядами, чтобы выглядеть для него безупречно, пока она мечтала об их совместной жизни, он спал с другой и называл это «развлечением».

Лейла вскочила. Движение было таким быстрым, что Мирлан не успел отреагировать. Она выхватила кинжалы из скрытых ножен на поясе — они были при ней всё время, прикрытые длинной туникой. Два клинка сверкнули в свете люстры. Мирлан отшатнулся, выставив руки, но ноги его

будто приросли к полу. Он смотрел на неё с тем самым выражением, которое она столько раз видела на лицах проигравших на ринге: парализующий ужас, смешанный с неверием.

— Лейла, ты что... — начал он, но договорить не успел.

Она шагнула к нему, и оба кинжала вошли в его шею — один слева, один справа — точным синхронным ударом, который она столько раз отрабатывала в воображении. Тот самый приём из *Mortal Kombat*. Конец. Фаталити.

Клинки рассекли плоть и сосуды с влажным хрустом. Кровь ударила фонтаном, заливая начищенные до блеска туфли Мирлана, дорогой паркет, ковёр ручной работы. Он захрипел, изо рта пошла густая тёмная кровь, глаза закатились. Тело рухнуло на пол тяжело и бесповоротно, как мешок с мукой.

Лейла выпрямилась. Кинжалы ещё дымились в её руках — ей казалось, что они тёплые, хотя сталь оставалась холодной. Она смотрела на тело Мирлана, и внутри неё было пусто. Ни раскаяния, ни ужаса, ни торжества. Только белая, выжженная степь.

На шум из кухни прибежала кухарка, увидела сцену в гостиной и закричала. Этот крик разорвал тишину, и особняк ожил: залаяли собаки, хлопнула дверь, кто-то из прислуги побежал звонить в милицию. Лейла не двигалась. Она опустила кинжалы на стол, села в кресло и стала ждать.

Арестовали её той же ночью. Милиционеры входили в особняк с опаской — им сказали, что девушка вооружена,

— но Лейла встретила их спокойно, с поднятыми руками. Отвечала на вопросы сдержанно, без истерики, с той жуткой вежливостью, которая пугает больше, чем крики. Следовательно, записывая показания, несколько раз перечитывал написанное, словно не веря, что перед ним сидит не матёрая уголовница, а девушка из хорошей семьи с образованием и безупречной репутацией.

Искандер Каримович, узнав о случившемся, примчался из Москвы ближайшим рейсом. Он был вне себя — не столько от горя, сколько от ярости. Единственная дочь, его гордость, его Лейла — за решёткой! Этого он допустить не мог. Подключил все связи. Собрал колоссальную сумму наличными. Вышел на следователя, ведущего дело, — немолодого майора с усталым лицом и прокуренными усами. Предложил взятку.

Но майор оказался не из тех, кого можно купить. Или, возможно, сумма была недостаточной, или он побоялся огласки — дело-то громкое, дочь уважаемого бизнесмена убивает жениха кинжалами в центре города. Как бы то ни было, он взял деньги, пересчитал, кивнул, а на следующий день явился с оперативной группой. Искандера Каримовича взяли при попытке дачи взятки должностному лицу — статья серьёзная, до двенадцати лет.

Обоих судили раздельно. Отец получил четыре года, но вышел раньше по условно-досрочному — связи всё же сыграли свою роль. Лейле повезло меньше. Прокурор требо-

вал двенадцать. Адвокат, нанятый матерью, пытался смягчить приговор: состояние аффекта, измена, провокация. Но судью интересовали детали — два кинжала, предумышленность, хладнокровное исполнение. Лейла получила десять лет колонии общего режима.

Когда зачитывали приговор, она стояла прямо, глядя перед собой. В зале суда плакала мать, суетились тётки, перешёптывались подруги. Лейла не оборачивалась. Она смотрела на судью и молчала. За все месяцы следствия она ни разу не пожалела о содеянном. Единственное, о чём она жалела — что не узнала правду раньше, до помолвки, пока ещё не успела полюбить.

После приговора Лейлу этапировали быстро — в женскую колонию общего режима в трёхстах километрах от города. Первые месяцы были самыми тяжёлыми: чужие запахи, грубые окрики, жёсткие нары, чужие женщины с чужими судьбами. Она держалась особняком, не искала подруг, не лезла в конфликты — но и спуску не давала. Когда одна из старожилок попыталась проверить новенькую на прочность, Лейла молча взяла её запястье на излом и прошептала что-то на ухо. Больше проверок не было.

Всё изменилось, когда администрация узнала о её навыках шитья. В колонии давно работал швейный цех, производивший спецодежду и бельё, — но начальница, женщина с военным званием и страстью к моде, давно превратила его в теневое ателье по пошиву реплик дизайнерских нарядов.

Лейлу определили туда, едва она показала, на что способны её руки. Уже через месяц она стала лучшей в цеху. Через полгода — негласной королевой.

Прошло пять лет. Срок Лейлы перевалил за середину. Она давно освоилась в цеху и в колонии в целом — знала все правила, все иерархии, все слабые места. Её авторитет был непререкаем, её работы Генеральша ценила выше всех. Остальные арестантки копировали чужие модели, Лейла же чувствовала ткань так, что могла воспроизвести любую вещь с закрытыми глазами. Она не жаловалась на судьбу — она ждала. Ждала, когда срок истечёт и она выйдет на свободу, чтобы начать всё заново.

Она не знала, что где-то далеко, в маленьком Посаде, другая женщина по имени Алла только что получила свой приговор и сидит в камере СИЗО, глядя в стену. Не знала, что через год Аллу привезут в эту самую колонию и поставят к соседнему станку. И уж точно не знала, что эта низкорослая, потрёпанная жизнью женщина окажется единственной, кто посмеет бросить ей вызов. Но это случится.

А пока Лейла оставалась королевой — и ничто не предвещало перемен.

Глава 2. Модный цех

Женская колония общего режима 17 располагалась в низине, среди сырых перелесков и разбитых дорог, в трёхстах километрах от областного центра. Со стороны она напоминала уродливый гибрид военной части и заброшенной фабрики: серые стены с колючей проволокой поверху, облупленные корпуса, вышки с прожекторами, которые в сумерках загорались мёртвенным белым светом. Местные называли её

просто — «Семнашка». Для тех, кто оказывался внутри, это название навсегда становилось синонимом медленно текущего времени.

Главной фигурой в «Семнашке» была начальница колонии — полковник внутренней службы Миронова Ирина Сергеевна. Женщина-генерал, как её называли за глаза, была явлением уникальным в пенитенциарной системе. Представьте себе высокую, сухопарую даму лет пятидесяти с идеальной военной выправкой, которую не могли испортить ни казённый китель, ни уродливые форменные туфли. Лицо у неё было узкое, с острым подбородком и тонкими, вечно поджатыми губами. Волосы — короткая стрижка с холодным пепельным отливом, уложенная волосок к волоску. Глаза — светло-серые, почти бесцветные, смотрящие на собеседника с той особой смесью брезгливости и оценивающего прищуря, которая свойственна людям, привыкшим к беспрекословному подчинению.

Но главная странность Мироновой заключалась не в её звании. Она была одержима модой. Эта страсть, непонятная и почти неприличная для полковника внутренней службы, пронизывала всю её жизнь. В кабинете начальницы, среди папок с личными делами, графиков дежурств и инструкций по режиму, стояли подшивки *Vogue*, *Harper's Bazaar* и *L'Officiel*. На стене висела плазменная панель, по которой в часы отдыха крутили записи парижских и миланских показов. Миронова знала поимённо всех ключевых дизайнеров,

разбиралась в тканях, фасонах и тенденциях так, как иной генерал разбирается в тактике и вооружении.

Откуда взялась эта страсть у женщины, полжизни прослужившей в системе исполнения наказаний, никто не знал. Поговаривали, что в юности она мечтала стать модельером, но семейные обстоятельства заставили пойти по военной линии. Так это или нет, уже не имело значения. Важно было другое: Миронова нашла способ превратить свою одержимость в прибыльный теневой бизнес.

Швейный цех колонии 17 располагался в отдельном крыле производственного корпуса. Попасть туда можно было через длинный коридор, охраняемый двумя постами. Для арестанток работа в цеху считалась привилегией — здесь было теплее, чем в остальных помещениях, и не так воняло карболкой. Но главное — работа в цеху давала шанс на досрочное освобождение. Система, придуманная Мироновой, была простой и жестокой одновременно.

Цех представлял собой просторное помещение с высокими потолками и большими окнами, забранными мелкой решёткой. Вдоль стен выстроились двадцать промышленных швейных машин — современных, с электроприводом, регулярно проходящих техобслуживание. У каждой — удобный стул, индивидуальная лампа, ящик для инструментов. Посередине стоял огромный раскройный стол, над которым нависали длинные лампы дневного света. В углу высились манекены — целая армия безликих торсов, на которых бу-

душие изделия обретали форму. Вдоль задней стены тянулись металлические стеллажи, уставленные рулонами тканей: итальянский шёлк, французский атлас, японский жаккард, немецкий бархат. Эти ткани не имели ничего общего с грубой серой робой, которую носили сами арестантки. Они прибывали в колонию по особым каналам — часть через официальные закупки для производства спецодежды, часть через контрабандные поставки, организованные Мироновой через старые связи в Узбекистане и Турции. Именно там, в Средней Азии, у начальницы были деловые партнёры — семья Искандера Каримовича, отца Лейлы, который после своего освобождения по УДО продолжал поставлять ткани через подставные фирмы. Ирония судьбы: отец Лейлы, сам того до конца не осознавая, помогал тому самому цеху, где его дочь отбывала срок.

Суть теневого бизнеса была гениальна в своей простоте. Миронова находила богатых заказчиц — жён губернаторов, бизнесменов, депутатов, которым хотелось щеголять в нарядах от Шанель, Диор или Валентино, не тратя время на поездки в Париж и не рискуя столкнуться с таможней. Заказчица присылала фотографию из журнала или видео с показа — и через две-три недели получала точную реплику. Не подделку с рынка, не ширпотреб, а безупречную копию, выполненную с мастерством, которое в обычных ателье давно перевелось. Платили заказчицы наличными, и Миронова исправно отчитывалась перед системой только за ту часть до-

ходов, которую проводила через официальную бухгалтерию цеха — пошив спецодежды и постельного белья. Остальные деньги оседали в тайниках и на зарубежных счетах. Прибыли были миллионные, но сама Генеральша жила подчёркнуто скромно — маленькая квартира в городе, служебная машина без изысков, никаких бриллиантов и шуб. Она была слишком умна, чтобы светиться.

Управление цехом держалось на жёсткой системе поощрений и наказаний. Каждая арестантка, попавшая в цех, знала правила: хорошая работа — премия на личный счёт. Ошибка — штраф. Несколько отличных реплик подряд — шанс на условно-досрочное освобождение. Лень, брак, воровство ткани — карцер или перевод в хозобслужу, где приходилось драить туалеты и таскать мешки. Но самое главное — в цеху царила негласная война. Миронова сознательно натравливала женщин друг на друга: она считала, что конкуренция повышает качество. Лучшие получали заказы на самые дорогие реплики — те, что уходили в особняки Москвы и Казани. Худшие шили простыни и наволочки. Борьба за место под солнцем в этом модном аду шла непрерывно, и победительниц в ней не было — были только те, кто пока удерживался на плаву.

Лейла попала в этот цех через несколько месяцев после своего прибытия в колонию, пять лет назад. К тому моменту она уже отсидела несколько месяцев в общем бараке, где её пытались проверить на прочность местные «старожилы».

Проверили — и обожглись. Восточная красавица с кинжалами, убившая жениха, быстро заработала репутацию, с которой не шутят. Когда администрация выяснила, что у новенькой есть профессиональные навыки шитья, её немедленно перевели в цех.

Миронова лично пришла посмотреть на новую работницу. Лейла, уже успевшая отрастить волосы, но всё ещё бледная и осунувшаяся после СИЗО, сидела за машинкой и, не поднимая головы, прошивала сложный шов на образце шёлка. Начальница постояла над ней минуту, потом взяла образец, посмотрела шов на свет, хмыкнула и бросила коротко: «Годится».

С этого дня началось восхождение Лейлы. Она оказалась прирождённой швеёй — не просто умелой, а гениальной. Ткань слушалась её так же, как когда-то слушались кинжалы. Она могла воспроизвести любой фасон по фотографии с закрытыми глазами. Её стежки были ровными, как машинная строчка, а глазомер — безупречным. Крой она делала на глаз, почти не пользуясь лекалами. Через месяц Лейла уже обходила всех старожилок цеха. Через полгода стала негласной королевой. Её авторитет теперь держался не на страхе перед ножом (хотя все помнили историю с Мирланом), а на качестве работы. Никто не мог сравниться с ней в мастерстве. Даже те, кто ненавидел Лейлу, признавали: шьёт она как богиня.

Генеральша быстро оценила талант Лейлы и сделала её

своей главной швейей. Теперь самые дорогие и сложные заказы шли только к ней. Заказчицы, получив очередную реплику, передавали через Миронову благодарности «мастеру», не зная, что этот мастер носит серую робу с номером и спит на жёстких нарах.

Лейла же, выполняя очередной заказ, вспоминала свою комнату в особняке, стены, уставленные рулонами шёлка, и манекен, на котором она создавала свои первые наряды. В тюремном цеху было почти так же — только окна в решётках, а вместо музыки стрекот машинок.

Остальные арестантки Лейлу боялись и ненавидели в равной мере. Боялись, потому что она держала их в ежовых рукавицах. Одно её слово — и провинившаяся швея могла лишиться премии или вылететь из цеха в хозобслужбу. Ненавидели, потому что Лейла никогда не пыталась заводить подруг, держалась особняком и смотрела на остальных с холодным презрением. Единственное, что её интересовало, — работа и приближающееся УДО. Она знала, что рано или поздно выйдет отсюда. Знала, что отец уже на свободе и ждёт её. Знала, что её талант не пропадёт. Нужно было только ждать и не терять бдительности.

В цеху у Лейлы было своё место — крайняя машинка у окна, самое светлое и тёплое. Никто не смел занять его даже в её отсутствие. Рядом с машинкой стоял её личный манекен, на котором висело то, над чем она работала сейчас, — вечернее платье из тёмно-синего бархата, почти законченное, с

глубоким декольте и ручной вышивкой серебряной нитью по подолу. Оно было копией модели от Эли Сааб, которую Миронова показала на прошлой неделе. Лейла уже третий день доводила вышивку до совершенства, и работа близилась к концу.

В то утро, когда начиналась эта история, в цеху было тихо. Двадцать женщин сидели за своими машинками, и только стрекот игл нарушал тишину. За окном моросил серый дождь, превращая пейзаж за решёткой в размытое пятно. Лейла, склонившись над бархатом, аккуратно выводила последний завиток серебряной нити. Она чувствовала, как ткань отзывается на каждое движение, — и это было единственное, что по-настоящему приносило ей покой.

Внезапно дверь цеха распахнулась. Вошла Миронова — без обычного стука, быстрым, раздражённым шагом. В руках у неё был журнал. Не говоря ни слова, она прошла к раскройному столу и швырнула журнал на поверхность. Все головы поднялись.

— Завтра жду этап, — бросила она сухо, оглядывая цех. — Среди новеньких будет швея. Если толковая — останется здесь. Если нет — сама знаете куда. — Она перевела взгляд на Лейлу и чуть прищурилась. — А тебе, Каримова, советую не расслабляться. Королева у нас пока одна, но всё может измениться.

Лейла спокойно встретила взгляд начальницы и ничего не ответила. Только пальцы, державшие иглу, чуть сжались.

Она знала, что Миронова любит стравливать. Но она также знала, что уже пять лет ни одна швея не могла к ней даже приблизиться. Впрочем, она ещё не знала, что в этом самом этапе, под серым дождём, в «Семнашку» ехала женщина, которую она никогда не видела, — женщина, которая через несколько дней возьмётся за тот же самый заказ и сделает его по-своему. И что с её появлением корона Лейлы впервые за пять лет пошатнётся.

Но это всё будет потом. А пока в цеху было тихо. Лейла склонилась над бархатом и продолжала шить. Игла входила в ткань ровно, не рвя, а раздвигая нити — точно так, как когда-то учила её бабушка, которую она никогда не знала, и которую заменили ей рулоны шёлка на отцовском складе. Игла слушалась её. Ткань слушалась её. И пока это было так, Лейла оставалась королевой.

Этап прибыл на рассвете, когда серый дождь, моросивший всю ночь, наконец прекратился, оставив после себя промозглую сырость и лужи на плацу. Автозак, крытый грязно-зелёный фургон с зарешеченными окошками, въехал в ворота колонии 17 и остановился у приёмного корпуса. Конвойные вывели женщин — цепочку из двенадцати фигур в одинаковых серых куртках, ссутуленных, замёрзших, с вещмешками в руках. Все они прошли через СИЗО, все получили приговоры, и теперь каждой предстояло влиться в новую, чужую жизнь за этими стенами. Среди них была Алла.

Она почти не изменилась за месяцы, проведённые в след-

ственном изоляторе, — разве что похудела ещё сильнее и глаза запали глубже. В серой казённой куртке, которая была ей велика на два размера, она казалась ещё меньше и незаметнее. Волосы, давно не видевшие расчёски, торчали в разные стороны. Лицо, когда-то миловидное, теперь было отёчным, с желтоватым оттенком и следами лопнувших сосудов на щеках. Губы запеклись и потрескались, а в уголке рта виднелся старый, ещё не заживший синяк — память о последней пьяной ссоре ещё до ареста. Ростом Алла не оказалась: метр пятьдесят пять, не больше, и в строю других женщин она выглядела как подросток, случайно попавший во взрослую тюрьму.

Приёмная процедура была стандартной: досмотр, баня, казённая роба. Алла прошла её механически, не поднимая глаз, как проходят всё, что не требует личного участия. Ей выдали серую хлопковую робу с биркой, грубое бельё и стоптанные тапки. Вещи, с которыми она приехала — старая кофта и штопанные чулки, — убрали в мешок для хранения. Охранница спросила, есть ли ценные вещи. Алла молча покачала головой. У неё ничего ценного не осталось.

После приёмки женщин повели в общий барак. Первое, что бросилось в глаза, — запах. В СИЗО пахло сыростью и хлоркой, здесь же пахло чем-то кухонным, кислым, смешанным с запахом многих тел. Длинное помещение с двухъярусными койками гудело, как улей. Женщины оборачивались, разглядывали новеньких, отпускали комментарии — тихие,

но колкие. Алла прошла к своей койке, нижней, у прохода, и села, сложив руки на коленях. Она ещё не знала, что главное испытание ждёт её не здесь, а в другом крыле — там, где стрекочут машинки.

На следующее утро после построения начальница Миронова лично явилась в барак с проверкой. Она прошла вдоль коек, оглядывая новеньких, как товар на складе, и остановилась напротив Аллы.

— Королёва Алла Николаевна, — прочитала она из списка, который держала в руках. — Статья сто пятая, шесть лет. В личном деле указано — швея. Это правда?

Алла подняла голову. Перед ней стояла высокая сухопарая женщина с военной выправкой и холодными, почти бесцветными глазами. От неё пахло дорогими духами — запах настолько чуждый этому месту, что Алла на мгновение растерялась.

— Правда, — сказала она тихо. — Закройщица-модельер. Работала на фабрике, потом в ателье.

Миронова прищурилась. Она смотрела на Аллу так, как смотрят на вещь, в которой пока не уверены — пригодится или выбросить. Низкорослая. Опухшая. С затравленным взглядом. Такие обычно долго не держатся. Но в личном деле было записано: потомственная швея, третий разряд, стаж больше десяти лет. Такими кадрами Генеральша не разбрасывалась.

— Посмотрим, — сказала она коротко и двинулась даль-

ше.

Через час Аллу вызвали в цех. Когда она вошла в просторное помещение с высокими потолками и светом, льющимся из больших окон, на мгновение замерла. Двадцать машинок, манекены, полки с тканями — всё это напомнило ей не фабрику «Красная швея» и не ателье «Силуэт», а что-то среднее, странный гибрид, которого она никогда не видела. И пахло здесь не карболкой, а машинным маслом, разогретым утюгом и пылью от тканей — почти как в бабушкиной пристройке. У Аллы дрогнули ноздри. Она не чувствовала этих запахов с тех пор, как закрылся «Силуэт».

Женщины в цеху обернулись. Двадцать пар глаз уставились на новенькую, и через секунду по помещению прокатился смешок. Слишком уж нелепо она выглядела: маленькая, взлохмаченная, с опухшим лицом, в мешковатой серой робе, которая висела на ней как на пугале. Кто-то прыснул в кулак. Кто-то шепнул соседке на ухо. Смех стал громче.

— Это что за чудо? — раздался голос откуда-то из дальнего ряда. — Новую хозобслужу привели?

— Фуфайки будет шить, не иначе.

— Да какая из неё швея? Ты глянь на руки. Она бутылку еле держит.

Слово «бутылка» ударило Аллу сильнее, чем она ожидала. Она инстинктивно сжала кулаки, пряча пальцы в рукавах. Она знала, как выглядят её руки: трясущиеся, с обкусанными ногтями и красными костяшками. Ещё год назад эти руки

творили красоту. Теперь они годились только на то, чтобы держать стакан.

Лейла сидела на своём обычном месте — у окна, крайняя машинка. Когда новенькая вошла, она не сразу подняла голову. Но когда подняла, то несколько секунд разглядывала Аллу молча и внимательно. Узбечка увидела то же, что и все: невысокую, потрёпанную жизнью женщину с побитыми губами и потухшими глазами. Опухшее лицо алкоголички. Трясущиеся пальцы. Всклокоченные волосы.

— Дворняжка, — произнесла Лейла тихо, но так, что слышали все.

Смех взорвался с новой силой. Прозвище прилипло мгновенно, как прилипает грязь к подошвам. Теперь весь цех знал, как зовут новенькую.

Миронова, стоявшая у раскройного стола, не вмешивалась. Она дала женщинам время оценить новую работницу и теперь наблюдала за реакцией Лейлы. Королева цеха не выглядела встревоженной — это было хорошим знаком. Но Генеральша всё же решила проверить новенькую до конца. Она взяла со стола свежий номер Vogue, который пришёл вчера с оказией, и швырнула его на свободную машинку — ту, что стояла через два станка от Лейлы. Журнал раскрылся на странице с вечерним платьем от Валентино: облегающий силуэт, асимметричный вырез, ткань с фактурой под кожу, благородный тёмно-бордовый цвет.

— Вот твоё задание, Королёва, — сказала Миронова

громко, чтобы слышали все. — Это платье от Валентино. Хочу такую же реплику к пятнице. Ткань на складе, параметры снимешь с манекена. Справишься — останешься в цеху. Нет — пойдёшь отрабатывать ткани мешками в хозобслужу. Тебе ясно?

В цеху воцарилась тишина. Все ждали, что новенькая сейчас залепечет, что ей нужно больше времени, что это слишком сложно, что она не справится. Но Алла просто кивнула.

— Ясно, — сказала она. Голос у неё был тихий, но спокойный. Слишком спокойный для женщины, которую только что прилюдно унизили и которой дали задание, с которым не каждая справится и за месяц.

Лейла, услышав этот голос, на мгновение задержала на Алле взгляд, но потом вернулась к своему бархатному платью. Алкоголичка. Вшивая. Не конкурент.

Миронова развернулась на каблуках и вышла из цеха. Дверь за ней закрылась с металлическим лязгом. Наступила тишина, нарушаемая только стуком дождя по стеклу и стрекотом машинок. Звонок. Работа закипела.

Алла подошла к своей машинке — чужой, ещё не обжитой, пахнувшей чужими руками. Села на стул, проверила иглу, натяжение нити, лапку. Всё это она делала автоматически, словно за спиной у неё не было месяцев тюрьмы, а был обычный рабочий день в «Силуэте». Пальцы ещё дрожали, но уже меньше — работа успокаивала. Она раскрыла журнал на нужной странице и долго смотрела на платье от Ва-

лентино. Облегающий силуэт. Асимметричный вырез. Бордовый цвет. Она изучала не фасон — она изучала душу этой вещи. И пока остальные арестантки перешёптывались и бросали на новенькую насмешливые взгляды, пока Лейла с холодной уверенностью заканчивала свою вышивку на бархате, пока Генеральша в своём кабинете подсчитывала прибыль от будущих реплик, Алла уже знала, что она сделает с этим платьем. Она не будет шить копию. Она создаст своё. И это будет либо её пропуском в новую жизнь, либо приговором.

Она взяла сантиметровую ленту, подошла к манекену и начала снимать мерки. Глаза её, ещё недавно потухшие, теперь горели тем самым огнём, который никто не замечал ни в школе, ни на фабрике, ни в «Силуэте». Огнём, который не смогли погасить ни пьянство, ни тюрьма. Руки Аллы перестали дрожать.

Алла осталась одна за своим станком. Не физически — вокруг неё сидели двадцать женщин, стрекотали машинки, пахло маслом и тканью, — но внутренне она отгородилась от всех невидимой стеной, которую возводила годами. Так она выживала в пьяном угаре с мужем. Так она выживала в СИЗО. Так собиралась выживать и здесь.

Первые полчаса она просто изучала журнал. Платье от Валентино было, безусловно, красивым — облегающий силуэт, асимметричный вырез, ткань с тиснением под змеиную кожу, глубокий бордовый цвет, который на свету отливал венной синевой. Модель сидела на фотографии неестествен-

но прямо, как манекен, и платье сидело на ней как влитое. «Ну да, — подумала Алла, — на то и Валентино». Она перевернула страницу, потом ещё раз. Посмотрела на цену в рублях, мелким шрифтом внизу. Сумма равнялась примерно трём её зарплатам в «Силуэте» за лучшие месяцы. Хотя какая теперь зарплата. Какие три зарплаты. Она захлопнула журнал и подошла к манекену.

Стандартный женский торс без головы, без рук, без ног — только плечи, грудь, талия, бёдра. Обтянут серой тканью, на которой мелом можно было наносить разметку. Алла взяла сантиметровую ленту, висевшую на крючке у стола, и начала снимать мерки. Она делала это молча, сосредоточенно, и руки её больше не дрожали.

Первое, что она заметила: параметры манекена были стандартными. Объём груди — девяносто, талия — шестьдесят, бёдра — девяносто. Классические девяносто-шестьдесят-девяносто, те самые, под которые шьют все подиумные модели. В колонии такие манекены стояли у каждой швеи, и Генеральша следила, чтобы их регулярно проверяли. Это упрощало работу: не нужно было каждый раз снимать мерки, достаточно знать стандарт. Алла знала стандарты наизусть, как таблицу умножения. Но что-то её останавливало.

Она вернулась к журналу. Снова открыла страницу с платьем. И тут, глядя на фотографию уже не как швея, а как художник, она вдруг поняла, что именно её не устраивает. Платье было безупречным — но бездушным. Оно идеально

сидело на модели, но не жило. Оно было создано для подиума, для вспышек фотокамер, для того, чтобы его один раз надели и забыли. Алла вдруг представила, как это платье будет выглядеть на живой женщине — не на модели с нулевым размером, а на обычной заказчице, у которой есть плечи, бёдра, руки. И поняла, что точная копия здесь не сработает. Точная копия будет просто дорогой тряпкой.

В ней проснулся тот самый талант, который она загнала в дальний угол души ещё в Посаде, когда закрылся «Силуэт» и началось падение. Талант, который не умирал даже в самые страшные дни пьянства. Талант, который когда-то заставлял её зарисовывать фасоны на переменах в школе и перешивать старые платья клиенток так, что те ахали. Алла поняла: она не будет делать копию. Она сделает своё. И будь что будет.

Она снова подошла к манекену. На этот раз она смотрела на него не как на заготовку, а как на холст. Глазомер — навык, выработанный годами, — включился сам собой. Она представила, как изменится платье, если убрать жёсткий корсет и сделать линию талии мягче. Если асимметричный вырез перенести с правого плеча на левое и углубить его. Если вместо имитации змеиной кожи — а где вообще взять такую ткань в тюремном цеху? — использовать гладкий бордовый атлас и нанести на него собственный принт.

Принт. Эта мысль зажглась в голове Аллы, как лампочка. В «Силуэте» она иногда делала ручную набойку по ткани — простые геометрические узоры, растительные мотивы.

Здесь, в цеху, она заметила краски для ткани на полке с инструментами — кто-то использовал их для подкрашивания швов. Если смешать бордовый с чёрным и серебряным, можно создать на атласе эффект чешуи — не змеиной, а скорее драконьей. Более глубокой, более живой. Более восточной.

Алла усмехнулась про себя. Восточной. Она, простая баба из Посада, будет делать восточный принт. Впрочем, какая разница. Ткань не спрашивает паспорт.

Она отправилась к стеллажам за материалом. Ткани в цеху действительно позволяли разгуляться: на полках лежали рулоны итальянского атласа, французского шёлка, немецкого бархата. Алла выбрала плотный атлас глубокого бордового цвета — не самый дорогой, но с хорошей фактурой, который будет послушно вести себя под краской. Краски для ткани она нашла там же, где и ожидала: чёрная, серебряная, тёмно-синяя. Добавила к этому моток серебряной нити для отделки, катушку чёрного шёлка для основных швов и взяла упаковку тонких игл для ручной работы.

Она вернулась к станку. На неё уже косились. Две швеи с соседних машинок — крепкие деревенские бабы, сидевшие за кражи и драки, — переглянулись и зашептались. Они видели, что новенькая не просто взяла ткань и начала строчить, как делали все, а разложила перед собой краски, иглы, нитки, словно собиралась писать картину. Такого в цеху ещё не видели.

Лейла, сидевшая через два станка, тоже заметила возню.

Она оторвалась от своего бархатного платья, над которым трудилась уже несколько дней, и бросила взгляд на новенькую. Та сидела, склонившись над столом, и что-то сосредоточенно смешивала в маленькой баночке. Вокруг неё уже образовался творческий беспорядок — лоскуты, обрезки ниток, баночки с краской. Лейла чуть прищурилась, но ничего не сказала. Алкоголичка. Вшивая. Не конкурент. Она снова склонилась над бархатом.

Алла тем временем работала. Она начала с принта — самого сложного и самого рискованного этапа. Натянула отрез атласа на свободный стол, закрепила по углам булавками и взяла в руки кисть. Рука больше не дрожала. Она макала кисть в краску и наносила мазки — короткие, изогнутые, похожие на чешуйки. Бордовый смешивался с чёрным, чёрный — с серебряным. Постепенно на гладкой поверхности атласа начал проявляться узор: не змеиный, а драконий, с переливами и полутонами. Алла работала быстро, но без спешки — она знала, что краска схватывается за час, и ошибаться нельзя. Второго отреза не дадут.

Когда принт был готов, она оставила ткань сохнуть и перешла к крою. Вот тут её глазомер показал себя во всей красе. Она не стала пользоваться готовыми лекалами, которые лежали в ящике у каждой швеи, — стандартные выкройки, рассчитанные на точные копии. Вместо этого она взяла мел и прямо на манекене набросала линии будущего платья. Линия плеча уходила влево и вниз — асимметричный вырез,

который она задумала. Талия — чуть свободнее, чем в оригинале, чтобы платье не сковывало движения. Рукава она решила убрать вовсе, заменив их широкими лентами из той же ткани, которые будут перекрещиваться на плечах и свободно спадать на спину, оставляя руки открытыми, — это было смелее, чем один рукав, и придавало платью летящую, почти античную лёгкость.

Женщины за соседними машинками уже откровенно плялились. Одна из них, та, что утром громче всех смеялась над новенькой, теперь молчала. Она была швеёй уже три года и знала: то, что делает эта низкорослая Дворняжка, — не просто шитьё. Это дизайн. Она создавала новую вещь из чужого образца, и делала это так, словно всю жизнь только этим и занималась.

К обеду Алла уже скроила основные детали. Она работала иступлённо, не замечая ни голода, ни усталости. Когда другие женщины встали и потянулись в столовую, она даже не пошевелилась. Её пальцы порхали над тканью, игла мелькала, и первые швы уже ложились на атлас — ровные, аккуратные, один к одному. Она словно вернулась в бабушкину пристройку, где когда-то давно, в другой жизни, делала свои первые стежки под стрекот старого «Зингера».

Лейла, проходя мимо неё по пути в столовую, на секунду задержалась. Она бросила взгляд на работу Аллы — и впервые за день в её глазах мелькнуло что-то, чего она сама не ожидала. Не тревога, нет. Скорее, лёгкое любопытство, сме-

шанное с неудовольствием. Платье на столе у новенькой уже сейчас, на стадии сборки, выглядело не так, как оригинал. И это Лейле не понравилось. Она не понимала, зачем менять то, что и так безупречно. Но вмешиваться не стала. В конце концов, Генеральша сама дала этой Дворянке задание. Если провалится — тем лучше. Меньше конкурентов. Лейла прошла мимо, и её длинные чёрные волосы качнулись, как шёлковый занавес. Алла даже не подняла головы. Она продолжала шить.

После обеда остальные швеи вернулись в цех и заняли свои места. Но атмосфера изменилась. Теперь уже не только соседки Аллы, но и почти все в цеху время от времени поглядывали в её сторону. Не смеялись, не шептались. Просто смотрели. В их взглядах было что-то новое: настороженное любопытство, смешанное с невольным уважением. Эта женщина, над которой они потешались утром, делала что-то, чего никто из них не умел. И делала это спокойно, без суеты, как машина.

К вечеру Алла закончила сборку лифа. Она примерила его на манекене, подколола булавками, отошла на шаг, прищурилась. Асимметрия работала. Линия плеча, уходящая влево, создавала динамику. Открытое плечо добавляло дерзости. Принт, уже высохший, переливался в свете ламп — бордовый с чёрным и серебряным, чешуя невиданного зверя. Это было платье не для подиума. Это было платье для женщины, которая хочет, чтобы её запомнили.

Алла поправила булавку на талии и впервые за день позволила себе короткую, едва заметную улыбку. Она знала, что делает. Она вернулась.

За окнами цеха сгущались сумерки. Лампы дневного света гудели ровно и монотонно. Где-то вдалеке, в своём кабинете, Генеральша просматривала бумаги и не подозревала, что в её образцовом цеху одна маленькая женщина с побитыми губами только что бросила вызов всей системе — и пока выигрывала. А Лейла, закончив свою работу и собрав инструменты, перед уходом бросила последний взгляд на станок новенькой. То, что она там увидела, заставило её чуть сжать челюсти. Но она ничего не сказала. Завтра будет новый день. И кто знает, что принесёт утро.

День сдачи наступил серым, неприметным утром, когда за высокими окнами швейного цеха моросил мелкий дождь, а небо над колонией висело низкое, цвета небелёного холста. В цеху, однако, воздух был наэлектризован до предела. Двадцать швей сидели за своими машинами, и стрекот игл звучал нервно, прерывисто — ни одна не могла сосредоточиться, потому что каждая знала: сегодня Генеральша будет смотреть работы. Не просто проверять норму, как обычно, а оценивать тот самый заказ, ради которого она швырнула на стол журнал с платьем от Валентино и велела сотворить чудо.

Алла стояла у своего станка — того самого, что ей выделили в углу, подальше от остальных, словно чтобы подчерк-

нута: ты здесь чужая. Она не суежилась, не поправляла складки на манекене. Её работа была готова. Манекен, обычно голый и безликий, теперь казался живым — платье облегалo его так, будто было надето на невидимую женщину, которая вот-вот шагнёт вперёд и пройдёт по цеху, как по подиуму.

Лейла со своего места, центрального, у окна, бросала на новенькую короткие, как уколы, взгляды. Она закончила свою реплику ещё вчера: точная, безупречная копия, в которой каждая линия, каждый стежок соответствовали оригиналу. Её манекен был безукоризнен, но он был лишь зеркалом, отражавшим чужую волю. Лейла знала это, но считала достоинством. В конце концов, именно безупречность сделала её королевой.

В десять утра тяжёлая дверь цеха распахнулась. Вошла Генеральша. Полковник Миронова была женщиной, которая умела заполнить собой любое пространство: высокая, прямая, в ладно подогнанном кителе и начищенных сапогах, она двигалась по проходу между станками медленно, как ледокол, оставляя за собой тишину. Лицо её, обычно бесстрастное, сегодня было сосредоточенным. Она начала обход с дальнего конца, от первых станков, где сидели самые молодые и самые боязливые швеи. Генеральша останавливалась у каждого манекена. Смотрела молча. Иногда протягивала руку и проводила пальцами по шву, по пройме, по подолу. Если работа ей нравилась, она кивала — сухо, однократно. Если нет — проходила мимо, и швея за её спи-

ной сдувалась, как проколотый воздушный шар. Слышался шёпот, нервное покашливание, скрип отодвигаемых стульев. Она приближалась к центру.

Лейла напряглась, хотя виду не подала. Её манекен стоял на виду, и платье на нём было тем самым Валентино — точнее, его двойником. Тот же сложный крой по косой, та же драпировка на бедре, тот же глубокий синий цвет, переходящий в черноту, как ночное небо над степью. Лейла шила его, зажмурившись, каждую ночь сверяясь с фотографией, пока глаза не начинали слезиться. Она знала: никто в этом цеху не способен на такую точность.

Генеральша остановилась. Оглядела манекен. Пощупала ткань. Потом вдруг отступила на шаг, прищурилась, словно оценивая картину в музее. Лейла замерла, перестав дышать.

— Хорошо, — сказала Генеральша. — Как всегда. Копия отличная.

Лейла выдохнула. По губам скользнула тень улыбки. Но Генеральша уже двинулась дальше, и взгляд её упал на соседний станок — тот самый, что стоял в углу, где раньше складывали брак.

Там, на манекене, висело платье Аллы.

Первое, что бросилось в глаза, — цвет. Алла не стала копировать глубокий синий, уходящий в ночь. Она взяла ткань совершенно другого тона — сложного, глубокого бордового, который при движении давал искру, словно в ткань влили расплавленный рубин. Ткань была не просто гладкой: по ней

разбегался принт — не напечатанный, а вышитый вручную. Тонкие, как паутина, линии переплетались, создавая узор, который напоминал то ли морозные разводы на стекле, то ли очертания далёких гор, то ли карту звёздного неба. Принт был не броским, но чем дольше на него смотрели, тем больше он затягивал, как бездна.

Крой. Алла изменила его полностью. Вместо облегающего силуэта, диктовавшего каждое движение, она сделала платье летящим, но не бесформенным. Лиф, жёстко посаженный на корсаж, подчёркивал грудь и талию, а ниже талии ткань расходилась каскадом мягких складок, которые одновременно скрывали и намекали. Рукава она убрала вовсе, заменив их широкими лентами, которые перекрещивались на плечах и свободно спадали на спину, оставляя руки открытыми — дерзкий, почти вызывающий ход. По подолу шла вышивка вручную: та же паутина, но крупнее, с вкраплениями мелкого бисера, который ловил свет.

Манекен, на котором висело платье, больше не был фабричным болваном. Он был произведением искусства.

Генеральша замерла. Такой тишины в цеху не было никогда. Даже дыхание, казалось, остановилось. Двадцать одна женщина смотрела на начальницу, не в силах оторвать от неё глаз. Лейла, привстав со своего места, вглядывалась в лицо Генеральши, ища признаки насмешки или раздражения, но не находила. Там было что-то другое.

Генеральша шагнула ближе. Протянула руку — не грубо,

а почти благоговейно — и коснулась вышивки на лифе. Её пальцы, привыкшие к жёсткой ткани кителя и холодной стали наградного оружия, теперь двигались по серебристым нитям с осторожностью, с какой трогают драгоценность. Она провела по шву — внутреннему, который Алла обработала вручную, превратив технический узел в декоративный элемент. Наклонилась к подолу, разглядывая бисер. Потом выпрямилась и обошла манекен кругом.

В цеху стояла мёртвая тишина. Швея с соседнего станка, немолодая женщина с артритными пальцами, беззвучно шевелила губами, словно читая молитву. Другие переглядывались, не смея произнести ни слова. Все они знали: Генеральша любит точность. Она требует копий, неотличимых от оригинала. А то, что висело перед ней, было не копией. Это был вызов. Это было «я могу лучше».

Лейла смотрела. Её лицо оставалось спокойным, но под этим спокойствием, как под тонким льдом, уже бурлила тёмная вода. Она видела, как пальцы Генеральши задержались на лентах плеча. Она видела, как та отступила на шаг и скрестила руки на груди. Она видела, как каменное лицо начальницы вдруг дрогнуло.

И тогда Генеральша заговорила. Голос её, обычно резкий, как команда на плацу, прозвучал глухо, с нотками, которых никто в этом цеху ещё не слышал:

— Кто делал?

Алла стояла чуть поодаль, опустив руки. Она не вышла

вперёд, не выпятила грудь. Она просто подняла глаза — те самые, потухшие, но теперь в их глубине что-то теплилось.

— Я.

Генеральша повернулась к ней всем корпусом. Долго, изучающе смотрела на эту маленькую, невзрачную женщину в серой робе, с руками в мозолях и следами от уколов иглы. На её всклокоченные волосы, на бледное, всё ещё отёчное после долгих лет пьянства лицо. На Дворяжку, как её называли в первый же день.

— Ты, — произнесла Генеральша, и это было не вопросом, а утверждением. — Ты понимаешь, что ты сделала?

Алла молчала. Она не знала, чего ждать: похвалы или наказания. Она просто шила так, как умела, так, как научила её бабушка в той старой пристройке, где пахло машинным маслом и ладаном.

Генеральша снова повернулась к манекену. Провела ладонью по юбке, наблюдая, как ткань ловит свет и отдаёт его серебристыми всполохами. Потом вдруг коротко, отрывисто рассмеялась — смех её был похож на лай, но в нём не было угрозы.

— Это не реплика, — сказала она. — Это вещь. Это, мать твою, искусство.

По цеху пронёсся ропот. Кто-то ахнул. Кто-то прошептал что-то соседке. Никто никогда не слышал от Генеральши таких слов. Она кивнула, всё ещё глядя на платье, и добавила — громче, чтобы слышали все:

— Вот это я называю талантом. Ты не копировала, ты создала. Ты поняла дух, а не форму. Работай так и дальше — и ты получишь всё. Премии, условия, УДО. Всё, что я могу дать.

Алла стояла, не шевелясь. Слова долетали до неё, как через вату. «Получишь всё». «УДО». Она подумала о сыновьях — Максиме и Михаиле, которые сейчас, наверное, сидят в интернатской столовой и хлебают жидкий суп. Она подумала о бабушкином напёрстке, оставшемся в шкатулке в опустевшем доме в Посаде. Она подумала о том, что руки её, отнявшие жизнь, только что создали нечто прекрасное. И что-то в ней, давно сломанное и смятое, вдруг расправилось, как скомканный лоскут под утюгом.

Лейла видела всё это. Видела, как Генеральша, обычно скупая на слова, хвалит какую-то Дворняжку. Видела, как Алла — эта пьянь, эта опустившаяся баба — стоит и молчит, даже не улыбается, словно так и должно быть. И в груди Лейлы, там, где билось её восточное сердце, закипала злоба. Не просто ревность — холодная, расчётливая ярость. Она, Лейла, пять лет была королевой этого цеха. Она, Лейла, выгрызала своё место у тех, кто пытался его оспорить. Она, Лейла, каждую ночь шила так, что пальцы немели, — и всё ради того, чтобы Генеральша сказала: «Хорошо». А теперь эта Дворняжка с первого же заказа удостоилась «искусства». Лейла сжала кулаки под столом. Ногти впились в ладони, оставляя лунки. Она смотрела на Аллу, и в её глазах, тёмно-карих,

миндалевидных, разгорался огонь, который не сулил ничего доброго. Трон её зашатался — едва заметно, но она, королева, почувствовала это мгновенно. Запахло переворотом.

— Я не подведу, — сказала Алла негромко, но отчётливо.

— Не подведёшь, — кивнула Генеральша. — Я редко ошибаюсь в людях. Ты — моя находка. — Она бросила короткий взгляд на Лейлу, словно хотела что-то добавить, но передумала. — Всем работать. Заказы прежние. А это платье я забираю. Оно пойдёт в коллекцию.

С этими словами она вышла из цеха так же стремительно, как вошла, унося с собой гулкое эхо шагов. Платье осталось на манекене — теперь оно было не просто работой, а трофеем, который предстояло снять и унести в кабинет начальницы.

Как только дверь за Генеральшей закрылась, цех взорвался шёпотом. Женщины сбились в кучки, тыча пальцами в сторону Аллы. Слышались завистливые смешки, удивлённые возгласы, редкие искренние поздравления. Кто-то из молоденьких подошла и потрогала вышивку на рукаве, за что тут же получила окрик от старшей: «Не лапай!»

Алла не слушала. Она отошла к своему станку, вытерла руки о серую робу — медленно, тщательно, как после долгой и важной работы. Пальцы её слегка дрожали, но уже не от слабости. Это была дрожь ожившего мотора, запущенного после долгого простоя. Она подняла глаза и встретилась взглядом с Лейлой. Узбечка смотрела на неё в упор. Не от-

водила глаз, не мигала. Этот взгляд был тяжёлым, как прицел. Алла выдержала его. Ни улыбки, ни вызова — просто спокойное, усталое осознание того, что война началась. Она не хотела войны. Она хотела только шить. Но теперь, кажется, одно без другого было невозможно.

Лейла первая отвела взгляд. Отвернувшись к своему станку, поправила и без того идеально лежащую ткань. Но по её побелевшим костяшкам пальцев Алла поняла: это не конец. Это только начало.

Вечером, когда цех опустел и дневной свет сменился тусклым жёлтым светом ламп, Алла ещё раз подошла к своему манекену. Платья на нём уже не было — его унесли, — но в воздухе ещё витал запах её работы: ниток, утюга, крахмала. Она коснулась пустого манекена, провела ладонью по тому месту, где несколько часов назад расходились серебристые нити принта.

— Я вернулась, — прошептала она сама себе. — Бабушка, я вернулась.

За окном шёл дождь. Где-то на другом конце зоны, в кабинете Генеральши, её платье уже висело на отдельной вешалке, дожидаясь отправки в большой мир. А в двух шагах от Аллы, в темноте опустевшего цеха, стояла Лейла. Она тоже не ушла. Она смотрела на силуэт Дворяжки у пустого манекена, и в её душе зрело решение, которое изменит судьбы их обеих.

Алла вытерла руки о робу и, не оборачиваясь, пошла к

выходу. Она вернулась к жизни. И пока не знала, как дорого ей придётся за это заплатить.

Глава 3. Войны в цеху

После того утра, когда Генеральша прилюдно назвала работу Аллы искусством, в швейном цеху колонии № 17 многое изменилось. Не сразу, не вдруг — перемены просачивались постепенно, как вода сквозь трещину в бетоне, и заметить их мог только тот, кто умел читать знаки. Лейла умела.

Первым знаком стал следующий заказ. Через три дня после триумфа Дворняжки Миронова принесла в цех новый

журнал — на этот раз французский, с фотографией вечернего платья от Живанши: чёрный шёлк, глубокое декольте, спина открыта до поясницы, по подолу — вышивка серебряной нитью, имитирующая звёздное небо. Платье было сложным, капризным, требующим ювелирной работы, и все двадцать одна швея замерли, ожидая, кому Генеральша передаст заказ. Раньше такой автоматически уходил Лейле. Но в этот раз Миронова остановилась у станка Аллы, положила журнал перед ней и сказала коротко:

— К субботе. Посмотрим, что ты сделаешь с Живанши.

Лейла, сидевшая через два станка, не проронила ни слова. Она продолжала шить — игла мерно входила в ткань, стежки ложились один к одному, безупречные. Но пальцы, державшие материал, чуть побелели. Она чувствовала, как по цеху пронёсся незримый шёпот, как головы других швей повернулись к ней, проверяя реакцию. Она не дала им повода. Только желваки на скулах заиграли, как под кожей пробежала волна.

Алла взяла журнал, пролистала, изучая модель. Она уже знала, что будет делать с этим платьем. Звёздная вышивка? Слишком плоско. Она заменит серебро на состаренную бронзу, добавит бисера — не просто по подолу, а по всему полю юбки, так, чтобы при движении платье мерцало, как ночной небосвод. А чёрный шёлк? Пусть останется, но она сделает подкладку из тончайшего шёлка цвета запёкшейся крови — это будет видно только при ходьбе, когда подол

взметнётся. Деталь, которую заметят не все, но те, кто заметят, не забудут.

Она работала над этим платьем четверо суток. Почти не спала. Ела на ходу, стоя у раскройного стола. И когда в субботу утром Генеральша вошла в цех, она, едва взглянув на готовую работу, остановилась. Молча обошла манекен. Наклонилась, чтобы рассмотреть вышивку. Провела пальцем по краю подкладки. Потом выпрямилась и громко, чтобы слышали все, сказала:

— Вот так нужно работать. Остальным учиться у Королёвой.

Это был второй знак. Имя «Королёва» прозвучало в этом цеху впервые не как фамилия из личного дела, а как имя мастера. Остальные швеи — кто с завистью, кто с уважением, кто с плохо скрытой злобой — повернулись к Алле. А Лейла, королева этого цеха последние пять лет, почувствовала, как пол под её ногами накренился. Она всё ещё была лучшей в технике — никто не мог сравниться с ней в точности исполнения. Но она делала копии. А Алла делала своё. И Генеральша, эта холодная расчётливая стерва, уже сделала ставку на новую фаворитку.

Следующие недели стали для Лейлы чередой унижений — маленьких, почти незаметных постороннему глазу, но для неё, восточной женщины с обострённым чувством иерархии, невыносимых. Заказ на костюм от Шанель — твидовый жакет с шёлковой подкладкой, плиссированная юбка — ушёл

к Алле. Заказ на блузу от Диор с ручной вышивкой рিশелье — к Алле. Пальто от Макс Мара — к Алле. Лейле же доставались либо то, от чего Алла отказывалась, либо простые заказы, которые раньше отдавали начинающим швеям: офисные юбки, брюки без изысков, классические блейзеры. Это было оскорбительно. Это было невыносимо. И Лейла начала действовать.

Она не стала опускаться до открытой ссоры — это было ниже её достоинства. Вместо этого она использовала свой авторитет, который, хоть и пошатнувшийся, всё ещё держал в страхе большую часть цеха. У Лейлы имелись свои приближённые — три женщины, которые годами держались рядом с ней, как рыбы-лоцманы при акуле. Зина-Рыжая, грузная баба с руками-кувалдами, сидевшая за разбой. Светка-Плакса, получившая кличку за привычку рыдать после каждого окрика, но, как ни странно, неплохая швея. И Марина, бывшая закройщица с фабрики, осуждённая за кражу ткани в особо крупных размерах. Эти три женщины составляли свиту Лейлы и выполняли её негласные поручения.

Первое, что сделала Лейла, — перекрыла Алле доступ к лучшим материалам. Это было просто: достаточно было подкупить кладовщицу, ведавшую складом тканей. Подкуп в колонии — дело тонкое, не всегда денежное. Лейла расплатилась обещанием: кладовщица давно мечтала попасть в цех, и Лейла пообещала замолвить за неё слово перед Генеральшей. Через день Алла обнаружила, что лучшие отрезы —

итальянский атлас, французский шёлк, тонкий кашемир — «закончились». Кладовщица разводила руками:

— План, Королёва, ничего не поделаешь. Бери что есть.

А то, что было, — это остатки, грубый хлопок и синтетический шифон, из которого приличную вещь не сошьёшь при всём желании.

Алла справилась и с этим. Она взяла дешёвый шифон, который другие швеи считали мусором, и сделала из него вечернее платье на чехле из хлопка. Многослойная юбка из шифона, собранная в сотни мелких складок, выглядела воздушной и дорогой. Рукава-фонарики из того же шифона добавили игривости. Генеральша, увидев работу, даже не поняла, из чего она сделана. Пришлось объяснять. Когда Миронова узнала, что платье сшито из остатков, она долго молчала, а потом бросила странную фразу:

— Талант не в ткани, а в руках.

И снова многозначительный взгляд на Лейлу.

Тогда Лейла сменила тактику. Она стала натравливать на Аллу свою свиту. Зина-Рыжая начала с мелочей: то нитки перепутает на станке Аллы, пока той нет, то булавки рассыплет, то ножницы утащит и положит на чужой стол. Светка-Плакса, действуя по наущению Лейлы, распускала слухи: мол, Дворняжка потому и шьёт свои «шедевры», что за неё работает кто-то ещё, может, сама Генеральша помогает. Марина, самая умная из троицы, действовала тоньше: подсовывала Алле бракованные лекала, и Алла, не проверяя, кроила

по ним, портя ткань. Дважды Алла теряла часы работы из-за таких «случайных ошибок».

Алла терпела. Она не жаловалась Генеральше, не вступала в конфликты, не пыталась выяснять отношения с Лейлой или её шавками. Она просто работала. Её спасением было шитьё — то, ради чего она вставала каждое утро, что давало ей силы не думать о прошлом и не бояться будущего. Когда игла входила в ткань, а из-под лапки машинки выползала ровная строчка, мир сужался до размеров стола, и в этом мире не было ни Лейлы, ни её интриг, ни колючей проволоки за окном. Только ткань, нить, игла и бесконечная, как музыка, мелодия стежков.

Она всё чаще вспоминала бабушкину пристройку. Там тоже было тихо, и пахло машинным маслом, и никто не мешал. Там она впервые поняла, что шитьё — это не работа, а способ дышать. И сейчас, в тюремном цеху, окружённая врагами, она снова дышала полной грудью. Заказы Генеральши становились всё сложнее, и каждый новый был вызовом, который Алла принимала с радостью. Она придумывала принты, которых не было ни в одном журнале: геометрические, растительные, анималистические. Она смешивала ткани, которые, казалось, невозможно сочетать: грубый лён с нежным шёлком, шерсть с органзой, кожу с кружевом. Она изобретала новые швы, превращая технические элементы в декор. Её работы становились всё смелее, всё дальше уходили от оригиналов — и Генеральша это приветствовала.

Однажды Миронова принесла в цех запись миланского показа. Она включила плазменную панель и собрала всех швей.

— Смотрите внимательно, — сказала она. — Через месяц я хочу увидеть вот это.

На экране дефилировали модели в нарядах от Дольче и Габбана: сицилийское барокко, золото, кружево, цветочные принты. Заказчица — жена губернатора соседней области — хотела точную копию платья, которое на экране демонстрировала длинноногая блондинка.

— Каримова, — обратилась Генеральша к Лейле, и та выпрямилась, готовая принять заказ. — Отдай свой текущий заказ Марине. Ты займёшься платьем от Дольче. Срок — две недели.

Лейла склонила голову. Впервые за долгое время Генеральша назвала её фамилию — Каримова, — а не просто кивнула в её сторону. Это было возвращением. Это был шанс доказать, что она всё ещё королева. Она взяла журнал с фотографией платья и пошла к своему станку. Но Генеральша ещё не закончила.

— А ты, Королёва, — она повернулась к Алле, — возьми этот же показ и сделаешь свою версию. Не копию. Своё. Как ты умеешь.

Цех замер. Впервые Миронова дала два заказа на один и тот же показ: Лейле — точную копию, Алле — свободную интерпретацию. Это было прямое столкновение, дуэль, кото-

рой все ждали, но не ожидали так скоро. Лейла подняла глаза и встретилась взглядом с Генеральшей. В её карих миндалевидных глазах читался немой вопрос: «За что?» Но Миροнова уже развернулась и пошла к выходу, оставив цех в напряжённой тишине. Лейла сжала журнал в руках. Она знала, что это значит. Генеральша не просто проверяет новенькую. Она сталкивает их лбами, чтобы посмотреть, кто выживет. И Лейла не собиралась проигрывать.

Алла же восприняла это иначе. Она не думала о дуэли, не хотела ни с кем соревноваться. Ей просто дали новый заказ, сложный, интересный, и у неё уже зрела идея. Она думала о том, как переосмыслить сицилийское барокко — сделать его не кричащим, а сдержанным, добавить восточных мотивов, смешать золото с чернением, как на старых узбекских украшениях. Она ещё не знала, что Лейла воспримет эту работу как объявление войны. Впрочем, если бы и знала, это ничего бы не изменило. Она не умела по-другому.

Вечером того же дня, когда цех опустел и только две лампы горели над пустыми станками, Лейла подошла к столу Аллы. Она оглядела лекала, разложенные в идеальном порядке, эскизы на обрывках бумаги, образцы тканей, баночки с краской. Пальцы Лейлы пробежали по обрывку шёлка, на котором Алла тренировала новый принт. Это было красиво. Слишком красиво. Лейла отдёрнула руку, словно обожглась, и выпрямилась.

— Ты долго не продержишься, — прошептала она в пу-

стоту цеха. — Королева здесь одна.

Она развернулась и пошла к выходу. Но, уже взявшись за ручку двери, на мгновение замерла, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом толкнула дверь и вышла в тёмный коридор.

Алла в это время уже лежала на своей койке в общем бараке, глядя в потолок. Она не знала, что Лейла приходила к её столу. Она вообще старалась не думать о Лейле. Она думала о мальчиках — Максиме и Михаиле, о том, как они там, в интернате, и помнят ли её вообще. Она думала о бабушкином напёрстке, который лежит где-то в опустевшем доме в Посаде. Она думала о том, что когда-нибудь, когда выйдет отсюда, обязательно заберет сыновей и снова сядет за «Зингер». Только эти мысли и держали её на плаву.

А где-то на другом конце зоны, в кабинете Генеральши, Миронова сидела над бумагами и довольно улыбалась. Её план работал. Две лучшие швеи колонии теперь грызлись за место под солнцем, и качество продукции росло на глазах. Заказчицы были довольны, прибыль росла, а конкуренция, как она и предполагала, подстёгивала обеих. Генеральша знала, что рано или поздно одна из них сломается. Но пока что она намеревалась выжать из этой ситуации максимум.

За окном шёл дождь — мелкий, серый, бесконечный, какой бывает только в этих широтах осенью. Он барабанил по решёткам, стекал по стеклу, и казалось, что вся колония погружена в воду, как затонувший корабль. Но в цеху было теп-

ло. Завтра стрекот машинок возобновится, и две женщины снова сядут за свои станки — одна с мыслью о мести, другая с мыслью о свободе. И кто из них дойдёт до конца, пока не знал никто.

Началось всё с Наташки-Косой. Она сидела через три станка от Аллы, молодая девка лет двадцати пяти с вечно скошенным пробором и бегающими глазами, осуждённая за кражу в особо крупном — обнесла ювелирный, пока работала там уборщицей. Швея она была средняя, не хватала звёзд с неба, но норму выполняла, и Генеральша её терпела. Наташка первой заметила, что Дворняжка, эта опустившаяся баба, которую цех поднял на смех, теперь ходит в любимых у начальницы, и заказы ей отдают лучшие. Наташка была неглупа и умела считать. Она прикинула, что за последний месяц Алла получила премий больше, чем весь цех вместе взятый за квартал. А премии в колонии — это не только деньги на счёт, но и послабления: дополнительные посылки, свидания, шанс на УДО.

В один из серых вторников, когда Генеральша уехала в областное управление с отчётом и цех остался под присмотром старшей надзирательницы — ленивой тётки, дремавшей в углу на стуле, — Наташка подошла к станку Аллы. Та как раз заканчивала очередной заказ: костюм от Армани в её собственной интерпретации, с асимметричным воротником и ручной вышивкой по лацканам.

— Слышь, Королёва, — сказала Наташка, понизив голос,

— научи, как ты это делаешь. Я тоже хочу так. Мне до УДО два года, а премий нету. Если научусь, глядишь, и мне перепадёт.

Алла подняла голову. Она не привыкла к тому, что к ней обращаются за советом. В Посаде, в «Силуэте», к ней ходили молодые швеи, и она охотно объясняла, как держать ножницы, как определять долевою, как посадить рукав. Но здесь, в колонии, она была изгоем, и это её устраивало. Однако в глазах Наташки она увидела не корысть, а искреннее желание. И Алла не смогла отказать.

— Ты кроишь по лекалам? — спросила она.

— Ну да. Как все.

— В том-то и дело. Лекала — это чужая выкройка. Ты её не понимаешь. Ты просто копируешь форму. А надо чувствовать ткань. Смотри.

Алла взяла лоскут шёлка, положила его перед Наташкой и показала, как определить направление долевой нити на ощупь, как растянуть ткань по косой, как она ведёт себя под утюгом. Объяснила, что принт — это не просто картинка, а продолжение фасона, что цвет может изменить всё, даже самую простую модель. Что не нужно бояться отступать от образца — нужно бояться делать бездушно.

Наташка слушала открыв рот. Она проработала в цеху два года, но никто никогда не объяснял ей таких вещей. Лейла не делилась секретами — она только требовала, чтобы остальные не мешали. А эта Дворняжка, над которой все смеялись,

вдруг оказалась кладезем знаний. Наташка вернулась к своему станку и впервые за долгое время взялась за работу с интересом.

К вечеру того же дня слух разнёсся по цеху: Королёва делится секретами. Ещё через день к Алле подошла вторая швея, за ней третья. Она не отказывала никому. Показывала, как смешивать краски для принта, как работать с кистью, как подбирать ткани по фактуре, как придумывать свои фасоны. Ей это ничего не стоило — напротив, объясняя другим, она сама лучше понимала, что делает. И, что было для неё неожиданностью, это общение растопило лёд вокруг неё. Женщины, ещё недавно смеявшиеся над Дворняжкой, теперь звали её «Алла Николаевна» и прислушивались к её словам.

Генеральша, вернувшись из областного управления и заметив, что в цеху происходит что-то новое, не стала пресекать. Напротив, на следующей планёрке она объявила:

— С сегодняшнего дня поощряю креативный подход. Кто сделает вещь лучше образца — получит двойную премию. Кто угробит ткань — будет отрабатывать. Всё по-честному.

Идея была в духе Мироновой: дать арестанткам иллюзию свободы, а самой пожинать плоды в виде эксклюзивных вещей, которые можно продать втридорога. Но она недооценила последствий. Цех, ещё вчера работавший как часы, превратился в экспериментальную лабораторию. И лаборатория эта была взрывоопасной.

Двадцать женщин, воодушевлённых примером Аллы и посулами двойных премий, ринулись в творчество как в омут. Каждая хотела создать свой шедевр, каждая мнила себя дизайнером. Результат не заставил себя ждать.

Первой провалилась Зина-Рыжая. Она, надумав сделать «дерзкую асимметрию», скроила юбку-четырёхклинку, перепутав долевую. Ткань пошла пузырями, швы перекосило, и когда она попыталась исправить ситуацию утюгом, прожгла шёлк насквозь. От дорогого итальянского атласа осталась груда сморщенных лоскутов. Зина рычала, как раненая медведица, и швырнула утюг на пол, едва не попав в соседку.

Следом отличилась Светка-Плакса. Вдохновлённая принтами Аллы, она купила у кладовщицы краски и попыталась изобразить на блузе цветочный узор. Но вместо цветов вышли уродливые кляксы, краска растеклась, залила весь лиф, и блуза от Шанель, стоившая баснословных денег, превратилась в половую тряпку. Светка, верная своей кличке, разрыдалась прямо за станком, размазывая по щекам остатки краски.

Третья швея, молдаванка по имени Дойна, решила усовершенствовать крой платья от Диор. Она добавила вытачек там, где их быть не должно, и убрала там, где они держали конструкцию. Платье на манекене топорщилось, пузырилось на спине и морщило в талии. Дойна пыталась перешить, но только усугубила: ткань лопнула по шву, и платье пошло стрелками.

Четвёртая перестаралась с декором. Пятая перепутала нитки и прошила весь шов кислотно-розовым вместо бежевого. Шестая сломала иглу промышленной машинки, пытаясь прострочить слишком толстый слой ткани. Администратор цеха носилась между станками, выхватывая из рук испорченные отрезы, но было поздно. Гора брака росла.

К концу первой недели «креативной инициативы» на складе недосчитались рулона французского шёлка, половины отреза немецкого бархата и всех запасов красок для ткани. Три промышленные иглы были сломаны. Два утюга вышли из строя. Одна машинка встала намертво и требовала ремонта. Заказы, которые должны были уйти заказчицам ещё вчера, лежали недошитыми. Сроки горели синим пламенем.

Лейла наблюдала за всем этим с мрачным удовлетворением. Она сидела на своём месте у окна и продолжала работать так, как работала всегда. Безупречные копии, точные стежки, никаких экспериментов. Заказ на платье от Дольче и Габбана, который Генеральша дала ей параллельно с Аллой, был готов в срок и сидел на манекене как влитой. Когда старшая надзирательница проходила через цех и видела этот островок порядка посреди хаоса, она одобритительно кивала. Лейла не улыбалась, но в глубине её тёмных глаз мелькнуло что-то, похожее на торжество. Она знала, что рано или поздно эта вакханалия закончится крахом. И чем громче будет крах, тем слаще будет её возвращение на пьедестал — она наивно

полагала, что наказание обрушится только на тех, кто испортил ткани, а её безупречная работа будет оценена по достоинству. Она не вмешивалась, не давала советов, не пыталась остановить тех, кто портил ткани. Она просто сидела, шила и ждала.

А тем временем телефон в кабинете Генеральши разрывался. Заказчицы, привыкшие к тому, что колония поставляет реплики быстрее и качественнее, чем любое ателье, начали звонить с вопросами. Сначала вежливо — где мой заказ? Потом настойчиво — когда уже? Потом гневно — вы срываете мне мероприятие, я платила деньги, вы понимаете, с кем связываетесь?!

Одна из клиенток, жена крупного депутата, должна была появиться на благотворительном вечере в платье от Валентино. Другая, владелица сети салонов красоты, ждала костюм от Шанель для деловой конференции. Третья — чиновница из областной администрации — заказала пальто от Макс Мара и теперь рвала трубку, требуя вернуть предоплату. Каждый звонок был ударом по нервам Мироновой. Она, привыкшая к тому, что её цех работает как часы, впервые столкнулась с угрозой потери клиентов — а значит, и прибыли. Этого она допустить не могла.

Генеральша положила трубку после очередного разноса и долго сидела молча, глядя в стену. Она понимала, что сама спровоцировала этот хаос своей инициативой. Но признавать ошибки было не в её правилах. Она должна была найти

виноватых — и наказать их так, чтобы никто никогда больше не посмел выходить за рамки. И она уже знала, каким будет наказание. Не просто штраф или карцер — нечто такое, о чём раньше и помыслить не могла.

Начальник соседней мужской колонии, Колокольцев, давно предлагал ей «взаимовыгодное сотрудничество». Она отказывалась, считая это ниже своего достоинства. Но теперь, после гневных звонков и угрозы потери бизнеса, она поняла: пора пересмотреть это решение.

Она поднялась, одёрнула китель и решительным шагом направилась к двери. Но у самого порога остановилась.

— Завтра, — произнесла она вслух, ни к кому не обращаясь. — Завтра я наведу порядок.

Она вышла в коридор. В цеху ещё стрекотали машинки, ещё слышался плач Светки-Плаксы и ругань Зины-Рыжей. Лейла всё так же сидела у окна, выводя идеальные строчки. А Алла, склонившись над новым эскизом, ещё не знала, что утро следующего дня станет одним из самых чёрных дней в истории «Семнашки». Она просто работала, и это было единственное, что она умела.

Утро следующего дня началось не с привычного стрекота машинок, а с гнетущей, звенящей тишины. Ещё затемно, до общего подъёма, по баракам прошёл слух: Генеральша вернулась. Вернулась не с обычной утренней проверкой, а какая-то взвинченная, молчаливая, с белым, словно вымороженным лицом. Надзирательницы перешёптывались в ко-

ридорах, и даже самые тупые арестантки чувствовали: быть грозе.

Те, чьи имена уже несколько дней пережёвывались в цеху, почти не спали этой ночью. Светка-Плакса тихо ревела в подушку, Зина-Рыжая матюгалась в темноту, Дойна молилась на молдавском.

Лейла лежала на своей койке с открытыми глазами и думала. Она понимала, что хаос в цеху вышел из-под контроля, но почему-то была уверена, что её лично это не коснётся. В конце концов, она ни единого стежка не испортила. Напротив, пока остальные валяли дурака, она сдала идеальную реплику, в точности как требовала начальница. И теперь, прокручивая в голове варианты развития событий, Лейла всё больше убеждала себя: накажут виновных, а её, возможно, даже похвалят на их фоне. С этой мыслью она и уснула на рассвете — с холодной усмешкой.

Алла тоже не спала. Она лежала на нижней койке, отвернувшись к стене, и вспоминала, как всё начиналось. Первое платье, похвала Генеральши, просьбы женщин научить. Разве она сделала что-то плохое? Она просто хотела шить. Если бы она знала, чем обернётся её успех, — но разве можно было предвидеть такой разгром? Под утро она забылась тревожным, рваным сном, в котором бабушка сидела за старым «Зингером» и молча качала головой.

Построение прошло необычно тихо. Миронова даже не вышла на плац, ограничившись тем, что выслала стар-

шую надзирательницу с коротким приказом: «Всем в цех. Ждать». Женщины потянулись в производственное крыло, кутаясь в серые робы. В цеху их встретил непривычный полумрак — лампы дневного света ещё не прогрелись до конца и гудели с мерзким подвыванием. Кто-то попытался занять своё место, но осёкся: посреди цеха, у раскройного стола, стояла Генеральша. Она была одна. Стояла, уперев руки в бока, и смотрела на дверь. Когда последняя арестантка вошла, Миронова коротко кивнула надзирательнице, и та закрыла дверь снаружи. Лязг замка заставил вздрогнуть даже Лейлу.

Генеральша не начинала. Она медленно обвела цех глазами — серыми, бесцветными, страшными. Её подбородок был вздёрнут, тонкие губы сжаты в нитку. Казалось, что она не просто рассматривает женщин, а взвешивает каждую, оценивает и приговаривает. Тишина стала невыносимой. Где-то капнула вода из крана. Где-то скрипнула половица.

— Две недели, — произнесла Миронова. Голос был тихий, но от этого ещё более жуткий. — Две недели я была в управлении. И что я вижу по возвращении? Гору брака. Разорванные ткани. Сорванные сроки. Клиенты рвут контракты. Мой телефон раскалён докрасна. И всё это сделали вы.

Она помолчала. Потом вдруг резко, одним движением, смахнула с раскройного стола всё, что там лежало. Образцы

тканей, сантиметровые ленты, катушки ниток, чьи-то лекала, коробка с пуговицами — всё полетело на пол с грохотом и звоном. Пуговицы раскатились по бетону, как дробь. Никто не шелохнулся.

— Я дала вам шанс! — Голос взлетел до крика. — Я, дура, поверила, что вы можете больше! Что вы способны на что-то, кроме как портить дорогий материал! Вы решили, что вы дизайнеры?! Что вам море по колено?!

Она схватила с соседнего стола рулон ткани — немецкий бархат, цена которому была как три зарплаты надзирательницы — и швырнула его в стену. Рулон ударился о стеллаж, сбил несколько катушек и рухнул на пол, разматываясь тяжёлой волной. Следом полетел второй рулон, третий. Генеральша работала как одержимая: она смахивала со столов чертежи, мерки, куски мыла, ножницы. Один из листов с эскизом Аллы — тот самый, с принтом, — взмыл в воздух и, покружившись, опустился на пол, где его немедленно накрыло бархатом.

Миронова тяжело дышала.

— Вы! — рявкнула она, оборачиваясь к строю. — Вы все! Вы понимаете, что я теряю из-за вас?! Я теряю клиентов! Вы не просто ткань запоролы — вы подставили меня перед людьми, которые могут закрыть этот цех одним звонком! Вы этого хотите?! Хотите снова драить туалеты и таскать мешки?!

Она замолчала, переводя дыхание. В цеху стояла мёрт-

вая тишина. Светка-Плакса, стоявшая в третьем ряду, тихо всхлипнула, но тут же зажала рот рукой. Зина-Рыжая буравила пол глазами, боясь поднять взгляд. Дойна шептала что-то, от чего у неё тряслись губы.

Алла стояла у своего станка, низко опустив голову. Она чувствовала, как на неё косятся остальные — те, кто ещё вчера называл её «Алла Николаевна» и просил совета. Теперь в их взглядах читалось только одно: «Из-за тебя».

Лейла стояла чуть в стороне, у окна. Она единственная сохраняла подобие спокойствия, хотя сердце колотилось где-то в горле. Она видела, что Генеральша ищет виноватых, и понимала: это её шанс. Шанс отвести удар от себя, указав на истинных, с её точки зрения, зачинщиц.

— Я хочу знать, — произнесла Генеральша, чуть успокоившись, — кто начал этот бардак. Кто первым решил, что копия — это мало. Кто сбил остальных с толку. Я жду. Назовите имена.

Тишина повисла плотная, как вата. Женщины переглядывались, но никто не решался заговорить. И тогда Лейла сделала шаг вперёд. Её каблуки цокнули по бетону, и десятки глаз обратились к ней.

— Я скажу, — произнесла она ровным, почти вежливым голосом. — Креативный подход начала Королёва. Алла. — Она кивнула в сторону Аллы, и все головы повернулись туда. — Все видели: она сделала платье не по образцу, вам понравилось, и остальные решили, что так можно всем. Она же

потом и учила всех, как портить ткани. К ней ходили, она показывала. Я наблюдала.

Алла подняла голову. Она смотрела на Лейлу без страха, без ненависти — только с горьким удивлением. Та самая узбечка, которая когда-то назвала её Дворянжкой, теперь спокойно сдавала её Генеральше.

— Кроме того, — продолжала Лейла, и голос её окреп, — ткани испортили конкретные люди. Зинаида Рябова. Светлана Коркина. Дойна Морару. Наталья Кошкина. — Она назвала все восемь имён тех, кто угробил материал, не сбиваясь, по очереди, как на переключке. — Они кроили без лекал, жгли утюгами, лили краску. Я предупреждала, но меня не слушали.

Зина-Рыжая метнула на Лейлу яростный взгляд. Дойна тихо ахнула. Светка заплакала в голос. Лейла стояла прямо, спокойно, и на её лице не дрогнул ни один мускул. Она была уверена, что только что отвела беду от себя и заодно выставила себя перед начальницей в выгодном свете — как единственную разумную работницу среди хаоса. Теперь, думала она, Генеральша накажет этих бездарей, а её, возможно, даже поблагодарит.

Генеральша выслушала молча. Потом прошлась вдоль строя, остановилась у стола Лейлы, взяла в руки ту самую реплику от Дольче и Габбана, которую Лейла закончила в срок, повертела, бросила обратно.

— Значит, восемь имён ты назвала, — произнесла она за-

думчиво. — И себя в их числе не видишь.

Лейла моргнула.

— У меня нет брака. Моя работа готова. Я не портила ткани. Вы сами видите.

— Вижу, — кивнула Миронова. — Твоя работа готова. А цех развален. Ты — старшая по опыту. Ты стояла и смотрела, как они гробят мои ткани, вместо того чтобы вмешаться. Ты ждала, когда они провалятся, чтобы выслужиться передо мной. Ты думаешь, я не знаю твоих методов?

Она сделала шаг к Лейле и заглянула ей в лицо с той особой, брезгливой усмешкой, от которой у Лейлы похолодело внутри.

— Ты не предотвратила хаос, когда могла. Ты позволила ему случиться. Ты сидела и наслаждалась. И за это ты понесёшь наказание наравне с теми, кого сейчас так охотно заложила.

Лейла побледнела. Желваки заходили ходуном.

— Это несправедливо, — выдохнула она.

— Справедливость? — переспросила Миронова и коротко, зло рассмеялась. — Ты в тюрьме, Каримова. Здесь нет справедливости. Здесь есть порядок — или то, что я называю порядком.

Она достала из кармана сложенный лист бумаги, развернула его медленно, демонстративно. Цех замер.

— За систематическое нарушение технологии, порчу имущества и срыв сроков наказанию подлежат: Рябова Зинаида

да. Коркина Светлана. Морару Дойна. Кошкина Наталья. — Она зачитала ещё четыре фамилии тех, чьи руки непосредственно испортили ткани. Восемь имён. — И... — Генеральша подняла глаза на Лейлу, — Каримова Лейла.

Среди восьми прокатился вздох облегчения — но не у Лейлы. Узбечка застыла, будто обратившись в соляной столб. Этого не могло быть. Она, королева цеха, безупречная швея, — в одном списке с этими неумехами?!

— Кроме того, — продолжала Генеральша, и взгляд её переместился на Аллу, — Королёва Алла. За провоцирование срыва работы и вовлечение коллектива в действия, повлёкшие материальный ущерб. Но ты ткани не портила, поэтому твоё наказание будет иным. Завтра ты продолжишь работать. А на этих десятирх посмотришь — и запомнишь, что бывает с теми, кто нарушает мои правила.

Цех выдохнул. Алла стояла, не веря своим ушам. Она избежала десятки. Но легче от этого не стало — на неё смотрели девять пар глаз, полных ненависти. Она, зачинщица, осталась в стороне, а Лейла — Лейла! — попала под раздачу. Такого унижения узбечка не простит никогда.

Генеральша обвела строй ледяным взглядом и чеканно, словно зачитывая приговор, произнесла:

— А теперь слушайте внимательно. Наказание будет такое, какого в этой колонии ещё не было. Вы не хотели работать руками — будете работать тем, чем сможете. Завтра утром из соседней колонии приедет автобус с мужчина-

ми-арестантами. Вы, десять человек, приведёте себя в порядок, наденете чистую робу и будете их обслуживать. Три часа. В закрытых комнатах. Без вариантов.

Повисла мёртвая тишина. Смысл сказанного доходил до женщин медленно, как яд. Светка-Плакса, ещё недавно рыдавшая, теперь стояла с открытым ртом, и слёзы застыли на щеках. Зина-Рыжая стала блее мела. Дойна часто-часто закрестилась. Наташка-Косая тихо осела на пол, и никто не протянул ей руки.

Лейла стояла как каменное изваяние. Губы сжались в нитку, но глаза горели. Если бы взглядом можно было убить, Миронова упала бы замертво. Но Лейла молчала. Она уже поняла: спорить бесполезно. Просить — унижительно. Оставалось только одно — принять и запомнить. Запомнить этот день, этот час, эти лица. И главное — лицо той, из-за кого всё началось.

Алла стояла у своего станка, не в силах пошевелиться. Она избежала этого наказания — но какой ценой? Теперь она — изгой вдвойне. Её не тронули, и это поставят ей в вину. Она видела, как Лейла смотрит на неё — не с яростью, нет. С чем-то гораздо более страшным. С холодным, расчётливым обещанием.

Генеральша, довольная произведённым эффектом, хмыкнула.

— У вас есть вечер, чтобы подготовиться. Вопросы? Вопросов не было. Миронова развернулась на каблуках и

вышла из цеха, оставив за спиной распахнутую дверь и десятерых женщин, приговорённых к унижению. Надзирательница заглянула, хмыкнула и снова закрыла дверь на ключ. Как только шаги Генеральши стихли в коридоре, тишина взорвалась. Зина-Рыжая бросилась к станку Аллы, но Лейла остановила её одним движением руки.

— Не трогай её, — произнесла она тихо. — Она своё получит. Позже.

И в этом «позже» было больше угрозы, чем в любом крике. Алла встретила взгляд Лейлы и не отвела глаз. Она не знала, что именно задумала узбечка, но понимала: теперь она — главный враг. И пощады не будет.

Весь оставшийся день цех работал в тишине. Десять женщин, чьи имена прозвучали в списке, сидели каждая на своём месте, не в силах шить. Лейла не прикоснулась к машинке. Она сидела у окна, глядя на серое небо за решёткой, и в голове её медленно, неотвратно зрел план. Не мести — месть слишком громкое слово. План правосудия. Она не знала ещё, как и когда, но знала точно: Алка за всё заплатит. И Генеральша тоже. Но Алка — первой.

А где-то в кабинете начальницы Миронова набирала номер Колокольцева, чтобы подтвердить: автобус завтра в семь утра. В мужской колонии уже отбирали десятерых «достойных». В цеху номер семнадцать десять женщин ждали утра, которое не сулило ничего, кроме позора. И только Алла, по иронии судьбы оставшаяся в стороне, чувствовала себя ви-

новатой больше всех. Потому что знала: это она всё начала.

Вечер опустился на колонию № 17 сырой и промозглый. Мелкий дождь, не прекращавшийся весь день, к ночи перешёл в затяжную морось, которая окутывала вышки с прожекторами мутной пеленой, и свет их казался размытым, неживым.

В кабинете начальницы горела настольная лампа, отбрасывая резкие тени на стены, увешанные картами местности и графиками производства. Миронова сидела за массивным дубовым столом и держала в руке трубку стационарного телефона — старого, чёрного, с дисковым набором, какие сохранились только в госучреждениях. На том конце провода раздался щелчок, затем гудки, и наконец — низкий, с хрипотцой, голос начальника мужской колонии № 8 полковника Колокольцева.

— Ирина Сергеевна? Рад слышать. Решились, значит?

Колокольцев был человеком иного склада, нежели Миронова. Крупный, грузный, с мясистым лицом и вечно влажными губами, он управлял своей колонией как вотчиной, не скрывая презрения к «либеральным штучкам» вроде перевоспитания. Его методы были просты: кнут, пряник, а если не помогает — кулак. С Мироновой его связывали давние, осторожные отношения — не дружба, но взаимовыгодное партнёрство, замешанное на теневых сделках и общих знакомых в областном управлении.

— Решилась, Иван Петрович, — ответила Миронова су-

хо. — Ситуация требует. У меня десять баб, которые совсем отбились от рук. Шьют чёрт-те что, ткани переводят, сроки срывают. Одними штрафами не обойтись. Им нужна встряска.

— Понимаю, — протянул Колокольцев, и в его голосе слышалось что-то похожее на усмешку. — Значит, десять голов. У меня как раз есть десять мужиков, которые заслужили поощрение. Передовики производства, так сказать. Дисциплина отличная, норму перевыполняют. Им бы разрядку — и они горы свернут.

— Мне нужны не горы, — оборвала его Миронова. — Мне нужны дисциплинированные, управляемые люди. Никаких садистов, никаких психопатов. Если с моими бабами что-то случится — мне придётся объясняться с прокуратурой. Вы понимаете?

Колокольцев хмыкнул.

— Обижаете, Ирина Сергеевна. У меня всё под контролем. Люди проверенные, смирные. Просто давно без женского общества. Знаете, как это бывает.

Миронова промолчала. Ей было известно, как это бывает. За двадцать пять лет службы в «Семнашке» она ни разу не опускалась до такого, но сейчас выбора не оставалось. Или она теряет бизнес, или применяет крайние меры.

— Комнаты свиданий, — продолжила она деловым тоном. — У меня их десять, все в отдельном крыле. Охрану выставлю свою, надзирательницы будут дежурить в коридоре. На

каждую пару — три часа. Никакой связи с остальной колонией. Женщин приведут, сопровождают обратно. Всё чисто.

— Три часа, — повторил Колокольцев, и Миронова услышала, как он что-то прикидывает. — Маловато, но для первого раза хватит. Моих я тоже проинструктирую: никакого насилия, только если баба сама не попросит. Ха-ха. Шучу. Всё будет чисто, Ирина Сергеевна, не переживайте.

— Я не переживаю, — отрезала Миронова. — Я планирую. Автобус должен быть у ворот в семь утра. Охрана встретит. И ещё, Иван Петрович, — она понизила голос, — это не просто наказание. Это сделка. Я даю вам возможность поощрить ваших, а вы мне — новые контакты. У вас есть выходы на людей, которым нужны эксклюзивные вещи. Я это знаю.

Колокольцев помедлил.

— Допустим, — сказал он осторожно. — И что вы предлагаете?

— Я предлагаю вам долю, — сказала Миронова. — Десять процентов с каждого заказа, который придёт по вашим рекомендациям. Мои швеи — лучшие в области, и после завтрашнего дня они станут шёлковыми. Вы даёте мне клиентов — я даю вам процент. Взаимовыгодно.

На том конце провода повисла пауза. Миронова слышала дыхание Колокольцева — тяжёлое, с присвистом.

— Десять процентов, — повторил он. — А вы умеете договариваться, Ирина Сергеевна. Хорошо. Будем считать, что мы договорились. Завтра в семь утра автобус будет.

— И ещё, — добавила Миронова. — Среди моих наказанных есть одна особая. Узбечка, Каримова. Убила жениха, очень опасна. Пять лет ходила в королевах, а теперь унижена и зла. Для неё нужен кто-то... внушительный. Чтобы запомнила.

Колокольцев расхохотался — грубо, утробно.

— Будет ей внушительный. У меня как раз один бугай есть — Толян, медвежатник бывший. Сто пятьдесят кило живого веса. Думаю, справится.

— Добро, — сказала Миронова. — До завтра.

Она положила трубку и откинулась в кресле. Лампа на столе бросала желтоватый круг света на бумаги, на графики, на фотографии с показов мод, приколотые к стене. Всё шло по плану. Завтра десять строптивых баб получают урок, который никогда не забудут. Её бизнес будет спасён. А Каримова... что ж, она сама виновата.

Миронова встала, подошла к окну и посмотрела сквозь решётку на мокрый плац, на тёмные корпуса, на прожекторы, размытые дождём. Она не чувствовала ни жалости, ни угрызений совести. Только холодное удовлетворение, какое бывает, когда механизм, давший сбой, снова налажен.

Тем временем в одном из помещений цеха, куда согнали десятерых приговорённых женщин, царила тишина. Их отделили от остальных сразу после приговора Генеральши, перевели в малую мастерскую, смежную с основным цехом, — холодную комнату без машинок, с голыми стенами и един-

ственной лампочкой под потолком. Надзирательница заперла дверь снаружи, велев ждать дальнейших распоряжений.

Зина-Рыжая сидела на корточках у стены, обхватив голову руками. Светка-Плакса, верная своей кличке, тихо всхлипывала в углу. Дойна, закрыв глаза, беззвучно шевелила губами — то ли молилась, то ли проклинала. Наташка-Косая сидела на полу, вытянув ноги, и тупо смотрела в одну точку. Остальные пятеро молчали, каждая ушла в себя.

Лейла стояла у зарешеченного окна, спиной ко всем. Она единственная не плакала, не молилась, не ругалась. Она смотрела на дождь за стеклом, и лицо её было неподвижным, как маска. Но внутри кипело.

Пять лет. Пять лет она строила свою империю в этом аду. Пять лет она была королевой. И вот теперь она заперта в одной клетке с теми, кого презирает, и завтра её, дочь Искандера Каримовича, чемпионку по метанию ножей, женщину, убившую мужчину за предательство, положат под какого-то уголовника, как шлюху из хозотряда.

Она сжимала и разжимала кулаки. Ногти вонзались в ладони, оставляя лунки, но боль отрезвляла. Лейла думала. Не о том, как избежать наказания, — она понимала, что это невозможно. Она думала о другом. О том, кто виноват во всём этом. Не Генеральша — та лишь использовала ситуацию. Виновата была Алка. Дворняжка. Со своим чёртовым талантом, со своими принтами, со своей тихой улыбкой, с которой она принимала похвалы. Она начала этот креатив-

ный бунт. Она сбила остальных с толку. А теперь она сидит в общем бараке, в тепле, в безопасности, не включённая в список. Это было несправедливо до такой степени, что у Лейлы сводило скулы.

План мести зрел в её голове не как вспышка гнева, а как медленно вываривающийся яд. Лейла вспомнила Мирлана. Как она готовилась, как репетировала, как наносила удар. Тогда она была быстра и безжалостна. Она знала: рано или поздно она выйдет отсюда. УДО, освобождение — неважно. Когда-нибудь она окажется на воле. И тогда она найдёт Алку. И закончит то, что началось сегодня.

— Мы запомним этот день, — прошептала она, и шёпот её был тихим, но в нём звенела сталь. — Мы запомним их всех. Каждую, кто нас предал. И тех, кто не предал, но мог бы помочь и не помог.

Она повернулась к остальным. Девять женщин смотрели на неё — кто с надеждой, кто со страхом. Лейла обвела их взглядом.

— Завтра мы пройдем через ад, — сказала она. — Но мы выживем. А когда выживем — мы вспомним. Мы вспомним, кто нас сюда загнал. И мы сделаем так, что они пожалеют.

Никто не ответил. Но в глазах Зины-Рыжей мелькнуло понимание. Светка перестала плакать. Дойна открыла глаза.

Лейла отвернулась обратно к окну и снова стала смотреть на дождь. Завтра будет больно. Завтра будет грязно. Но послезавтра начнётся долгий, медленный путь к возмездию. И

она, Лейла, пройдёт его до конца.

А в общем бараке Алла лежала на своей койке и не могла уснуть. Она не знала, о чём думает Лейла, но догадывалась. И от этих догадок холод растекался по позвоночнику. Она избежала наказания, но приобрела врага — самого опасного из возможных. И она не знала, что страшнее: то, что ждёт десятерых завтра, или то, что ждёт её саму когда-нибудь потом.

Глава 4. Камеры свиданий

Раннее утро накрыло колонию № 17 серым, промозглым туманом. Дождь, моросивший всю ночь, наконец прекратился, но небо оставалось низким, тяжёлым, цвета небелёного холста, и казалось, что оно давит на землю, прижимая её к сырой, размокшей почве. Прожекторы на вышках ещё горели, размываясь в сыром воздухе бледно-жёлтыми пятнами, и их свет падал на мокрый асфальт, отражаясь в лужах тусклыми

ми бликами. Плац перед административным корпусом был пуст и мрачен, только редкие лужи поблёскивали в свете фонарей, и ветер гнал по ним мелкую рябь, заставляя дрожать отражение серого неба.

Влажный холод проникал сквозь тонкие робы, и женщины, построенные в ряд, зябко кутались в ткань, стараясь согреть хотя бы руки. Они стояли уже почти час, с тех пор как их подняли затемно, и за это время утренний холод успел пробраться до самых костей. Запах мокрого бетона смешивался с запахом мазута и сырой земли — запахом, который въедался в память так же глубоко, как и все остальные запахи этого места. Кто-то из женщин тихо кашлянул, кто-то переступил с ноги на ногу, пытаясь согреться, но никто не решался заговорить. Тишина была плотной, как стена.

В семь ноль-ноль со стороны главных ворот слышался низкий, утробный гул двигателя. Звук нарастал постепенно, заполняя собой пространство, и женщины напряглись, чувствуя, как воздух вокруг становится тяжелее. Тяжёлые створки ворот медленно разъехались, с противным скрипом, и на плац въехал автозак — грязно-зелёный, с заваренными решётками окон и глухими металлическими бортами, покрытыми слоем грязи и ржавчины. Он двигался медленно, как сытый зверь, вперевалку перекатываясь через неровности разбитого асфальта, и его двигатель работал с тем особенным, надрывным звуком, какой бывает только у старых, выдавших виды машин. Автозак выехал на середину плаца

и остановился. Двигатель смолк, и наступила тишина — та особенная, звенящая тишина, которая бывает только перед чем-то неизбежным. Лязгнула задняя дверь автозака, и из чёрного прямоугольного проёма начали выходить мужчины.

Десять человек. Все как на подбор — крепкие, широкоплечие, с руками, привыкшими к тяжёлой работе. Одеты в чистые спецовки с расстёгнутыми воротниками и закатанными рукавами, обнажавшими предплечья в наколках. Они выходили не спеша, с ленцой, разглядывая плац и женщин, как скот на ярмарке — пристально, не скрывая своего интереса. Первым вышел здоровенный мужик с бритой головой и шеей, похожей на колоду, — Толян, медвежатник. Его лицо, мясистое и грубое, было покрыто синевой щетины, а в ухе поблёскивала золотая серёжка — единственное украшение, которое он, видимо, не снимал даже в тюрьме. Он вышел и остановился, широко расставив ноги, и окинул плац таким взглядом, будто уже был здесь хозяином. За ним вылез тощий мужчина с наколкой в виде паука, расплзшегося по виску, — его глаза бегали, как у крысы, и он постоянно облизывал губы, словно предвкушая что-то вкусное. Следом — рыжеватый мужик с лицом, изрытым оспой, который сразу же сплюнул на асфальт и вытер рот рукавом, и его плевком звонко шлёпнулся в лужу. Остальные семеро выходили один за другим, и каждый по-своему оглядывал женщин — кто с усмешкой, кто с плохо скрытым любопытством, кто с безразличием, которое бывает только у тех, кто давно привык

к таким сценам.

Они задержались у автозака, переминаясь с ноги на ногу, и принялись разглядывать женщин уже в открытую, не стесняясь. Толян, заложив руки за спину, медленно прошёлся взглядом по ряду, задерживаясь на каждой из десяти женщин. Его губы кривила усмешка, в которой не было ни капли доброжелательства — только плотоядный интерес и уверенность человека, которому обещали всё, что он захочет.

— Глянь, какие хоромы, — протянул тощий с пауком, кивая на серые стены колонии. — Бабы, что ли, здесь?

— Бабы, бабы, — прогудел Толян. Его голос был низким, как из бочки, и каждое слово будто выкатывалось из глубины груди, вибрируя в воздухе. — Нам обещали по одной на брата. Полтора часа, полный пансион. Я, честно говоря, сомневался, что в такой дыре могут быть нормальные бабы. Но гляжу — ничего так. Особенно вон та, в конце. Чернявая, с узлом. Смотрит, как царица.

— Лишь бы не страхолюдины, — вставил рыжеватый, щурясь и вглядываясь в женские лица, — а то полтора часа с такой — ещё и нам плохо станет. У меня, знаешь, вкус есть, я к красивым привык.

— А тебе не всё равно? — расхохотался Толян, хлопнув рыжеватого по спине с такой силой, что тот качнулся вперёд, едва не упав. — Ты ж три года бабу не видел, кроме как в кино по телевизору. Сейчас и страхолюдина за ангела сойдёт. Зажмурился и представляй себе богиню, главное — рукам

работы не давать, а то ещё и не встанет.

Мужчины загоготали. Смех прокатился по пустому плацу, ударился в стены корпусов, отразился эхом и замер где-то в тумане. Женщины вздрогнули — каждая по-своему, каждая в соответствии с тем, что уже успела пережить и что успела себе представить. Кто-то опустил голову ниже, пытаясь спрятаться от этих взглядов, кто-то, наоборот, выпрямился, пытаясь не показать страха, кто-то зажмурился, словно надеясь, что это всё сон, который вот-вот рассеется. Но это был не сон. Это была реальность, и она была хуже любого кошмара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.